

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МВД РОССИИ**

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ

ГРИГОРЬЕВ А.Н., БОЛВАЧЁВ М.А.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

МОНОГРАФИЯ

**КАЛИНИНГРАД
2020**

УДК 343.301
ББК 67.408.13:67.523

Г83 Григорьев А.Н., Болвачёв М.А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: монография. - Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. - 104 с.
ISBN 978-5-93919-082-4

Сведения об авторах:

- Григорьев Анатолий Николаевич – начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

- Болвачёв Михаил Александрович - ассистент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта.

В монографии рассматриваются теоретические и практические аспекты расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей; исследуются тенденции трансформации экстремистской деятельности под воздействием прогресса информационно-телекоммуникационных технологий и развития глобальной компьютерной сети Интернет; анализируется практика деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений экстремистской направленности в пространстве социальных сетей; особое внимание уделяется проблеме профилактики экстремизма.

Монография предназначена для научно-педагогических работников, курсантов, слушателей и адъюнктов образовательных организаций МВД России, а также сотрудников правоохранительных органов.

ISBN 978-5-93919-082-4

© Григорьев А.Н., Болвачёв М.А., 2020.

© Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2020.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ.....	5
1.1. Экстремизм как реальность общественно-политической жизни современного общества в условиях глобализации мирового информационного пространства.....	5
1.2. Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет	21
1.3. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей.....	30
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	49
2.1. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей.....	49
2.2. Организационно-тактические особенности проведения отдельных следственных действий в ходе расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей	58
2.3. Особенности подготовки и назначения судебных экспертиз.....	70
2.4. Профилактические меры противодействия проявлениям экстремизма в социальных сетях	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	89
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	92

ВВЕДЕНИЕ

Экстремизм как деструктивная идея, подпитывающая в том числе и терроризм, стала проблемой, которая способна нанести ущерб даже самому стабильному обществу. Учитывая многонациональный, светский характер Российской Федерации, экстремистская деятельность наиболее остро проявляет себя в информационном пространстве. Такие преступления несут в себе угрозу существованию государству как таковому. В связи с этим в основных программных документах государства в сфере безопасности деятельность экстремистских организаций отнесена к одному из основных источников угроз Российской Федерации в области государственной и общественной безопасности.

Следует отметить, что органы правопорядка проделали значительную работу по снижению уровня экстремистской угрозы. Однако следует признать тот факт, что общий фон экстремистской активности в России остается еще достаточно высок.

Особую тревогу вызывает использование в деятельности экстремистских организаций современных информационно-телекоммуникационных технологий. Возможности глобальной сети Интернет, социальных сетей открывают для них поистине новые горизонты и возможности по осуществлению пропаганды своей идеологии, вербовке сторонников, координации действий.

Раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей, является сложной задачей для большинства сотрудников правоохранительных органов. Это обусловлено как специфичностью механизма совершения подобного рода преступлений, сложностью доказывания по данной категории дел, так и недостаточной разработанностью методических рекомендаций по проведению оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий, назначению экспертиз и т.д. Указанные обстоятельства обусловили выбор темы настоящего исследования, а также его структуру и содержание.

Результаты научного исследования могут быть использованы в служебной деятельности оперативно-следственных подразделений органов внутренних дел при организации деятельности по раскрытию, расследованию и профилактике преступлений экстремистской направленности, в образовательном процессе образовательных организаций системы МВД России при изучении дисциплин «Криминалистика», «Оперативно-разыскная деятельность органов внутренних дел», «Уголовное право», а также для организации дополнительного профессионального образования педагогических работников образовательных организаций системы среднего профессионального и высшего образования по вопросам профилактики терроризма и экстремизма.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

1.1. Экстремизм как реальность общественно-политической жизни современного общества в условиях глобализации мирового информационного пространства

«О боже! Куда катится этот мир?» Безо всякого преувеличения можно утверждать, что ответ на этот вопрос человек пытался найти на протяжении всей истории развития цивилизации, поскольку генезис человечества неразрывно связан с преодолением различного рода вызовов и опасностей, нередко ставящих под сомнение само выживание социума. Не является исключением и нынешний этап развития общества. Обострившиеся за последние несколько десятилетий проблемы и противоречия социального прогресса, которые можно определить не иначе как кризис, вновь заставляют серьезно задуматься о возможных дальнейших путях цивилизационного развития.

Что это за проблемы? Ответ на этот вопрос крайне неоднозначен. Так, например, по мнению известного австралийского ученого-эпидемиолога Франка Феннера, человечество рискует вообще не дожить до XXII века. «Через столетие – к 2110 году – человечество полностью исчезнет с лица земли, – утверждает ученый. – Причина в том, что древние общества людей отличались повышенной стабильностью, а сегодняшняя глобальная цивилизация – нет...»¹. Как полагает ученый, основную угрозу существованию людей представляют «...взрывной характер увеличения населения и необузданное потребление вкупе с быстрым изменением климата в связи с глобальным потеплением»².

Является ли данная кризисная ситуация уникальной, необычной для человечества? Совершенно верно отмечает Е.Л. Павлова: «Разве в человеческой истории культуры и цивилизации такое неустойчивое положение и переходное состояние происходило только в двадцатом веке? Напротив, если мы будем рассматривать это явление в таком аспекте, то мы должны будем признать, что кризис присутствовал едва ли не на заре появления человечества. Даже поверх-

¹ К 2110 году человечество полностью исчезнет с лица Земли. – URL: <https://nlo-mir.ru/predskazania/1484-k-2110-godu-chelovechestvo-polnostju.html>.

² Люди вымрут уже в нынешнем столетии и это неизбежно. – URL: <https://www.krugozormagazine.com/show/Planet.787.html>.

ностный анализ мировой истории показывает, что любая эволюция и любой переход на следующую, новую, более прогрессивную (или, напротив, регрессивную) стадию, открыто или латентно имеет наличие некоей критической ситуации. Кризис всегда идет рядом с развитием человечества»¹.

Все безусловно так. С этим трудно спорить. Однако масштаб стоящих перед человечеством проблем, вне всякого сомнения, уникален. По мнению Ф. Феннера, «промышленная революция и индустриализация породили эпоху, которая по своему воздействию на планету сравнима с последствиями ледникового периода или столкновения Земли с крупной кометой»². Эти проблемы, по сути, запустили целый ряд уникальных в своем роде процессов и явлений в различных сферах жизнедеятельности современного общества, несущих не только новые возможности, но и новые вызовы, угрозы обеспечения безопасности России.

Следует отметить, что проблему обеспечения безопасности по праву можно отнести к числу «вечных» проблем человечества. Наша цивилизация прошла весьма долгий и нелегкий путь по пути прогресса. И этот путь никогда не был прямой дорогой. Нередко те трудности и опасности, которые встречало человечество на своем пути, заставляли его серьезно задуматься о верности выбранного направления. В сущности, как верно заметил Н.В. Щедрин, «...история человека есть история обеспечения его безопасности. От примитивной палки — до компьютерной защиты, от мистического табу — до философски и юридически обоснованных систем коллективной безопасности. В этой драматичной истории орудия и средства защиты превращаются в источники опасности, для защиты от которых создаются новые средства, которые вновь становятся опасными... И так без конца»³.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что прогресс сам по себе не только благо, но и источник новых опасностей для человечества. В настоящее время приходится констатировать тот факт, что большинство угроз для «человека разумного», которые несет в себе сегодняшний мир, несут природный, а антропогенный характер, то есть являются порождением самого человека. Как найти выход из этого замкнутого круга? Каким образом можно обеспечить развитие цивилизации, не нарушая того хрупкого равновесия, которое сложилось во взаимоотношениях человека с окружающим миром?

¹ Павлова Е.Л. Кризис как регулятор общественного развития — Pro et contra // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 4(77). С. 20.

² К 2110 году человечество полностью исчезнет с лица Земли. — URL: <https://nlo-mir.ru/predskazania/1484-k-2110-godu-chelovechestvo-polnostju.html>.

³ Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1999. С. 67.

Как думается, ответ на этот вопрос можно найти в принятой в 1992 году в Рио-де-Жанейро Декларации ООН по окружающей среде и развитию и Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой в Нью-Йорке в сентябре 2000 г. В этих документах красной нитью проходит мысль о том, что обеспечение безопасности является не только необходимым условием устойчивого развития человечества, но и одной из фундаментальных ценностей для международных отношений в XXI веке. Таким образом, по своей сути безопасность следует рассматривать как неотъемлемую характеристику прогресса, а обеспечение безопасности — как одно из важнейших условий обеспечения устойчивого развития не только цивилизации в целом, но и отдельных государств.

В связи с этим вполне закономерным является то, что в 2015 году была разработана и утверждена Президентом Российской Федерации «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»¹, в которой констатируется тот факт, что «укрепление России происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер». К числу таких угроз, помимо прочих, отнесена и экстремистская деятельность.

Следует отметить, что опасность государству и обществу, которую несет в себе деятельность различного рода экстремистских и террористических организаций, нашла свое отражение и в новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, представляющей собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Как отмечается в данном программном документе, «различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры»².

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Нельзя не согласиться с высказыванием Президента Российской Федерации В.В. Путина об опасности экстремизма, сделанном на расширенном заседании Совета безопасности Российской Федерации: «Думаю, никому не надо доказывать, насколько опасна сама природа экстремизма, насколько разрушительна его идеология. Во всех своих проявлениях экстремизм имеет агрессивный, подстрекательский, а нередко насильственный характер, связанный с террором... Добавлю, что в современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сферы влияния очень часто. Мы видим, к каким трагическим последствиям привела волна так называемых «цветных революций», какие потрясения испытали и испытывают народы стран, которые прошли через безответственные эксперименты подспудного, а иногда и грубого, как у нас говорят, «ломового» внешнего вмешательства в их жизнь. Для нас это урок и предупреждение, и мы обязаны сделать всё необходимое, чтобы подобное никогда не случилось в России»¹.

Вне всякого сомнения, за последние годы в данном направлении проделана значительная работа. Фактически разгромлено террористическое подполье на Северном Кавказе, выявляются и ликвидируются ячейки международных террористических и экстремистских организаций в различных регионах страны, пресекаются попытки влияния на внутривнутриполитические процессы со стороны различных организаций, аффилированных с иностранными правительствами и спецслужбами. Во многом это стало возможным благодаря поступательной реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Однако следует признать, что, несмотря на все предпринимаемые усилия, общий фон экстремистской активности в России остается еще достаточно высоким.

Так, по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации², общая картина в рассматриваемой сфере выглядит так, как это представлено на рисунке 1.

Из приведенных данных несложно заметить, что в последние годы наметилась, казалось бы, устойчивая тенденция к снижению количества преступлений подобного рода. Особенно это ха-

¹ Владимир Путин провел в Кремле расширенное заседание Совета Безопасности. Рассматривался проект Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news>.

² См.: Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности / Портал правовой статистики; Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

рактенно для 2018 и 2019 годов. Однако, как представляется, в значительной степени это обусловлено декриминализацией ряда экстремистских проявлений и не связано с кардинальным изменением ситуации в данной сфере. В связи с этим особую тревогу вызывает резкий рост числа преступлений экстремистского характера в первой половине текущего года: в период с января по сентябрь 2020 года в России зарегистрировано 651 преступление экстремистского характера, что на 43,4% больше аналогичного показателя прошлого года.

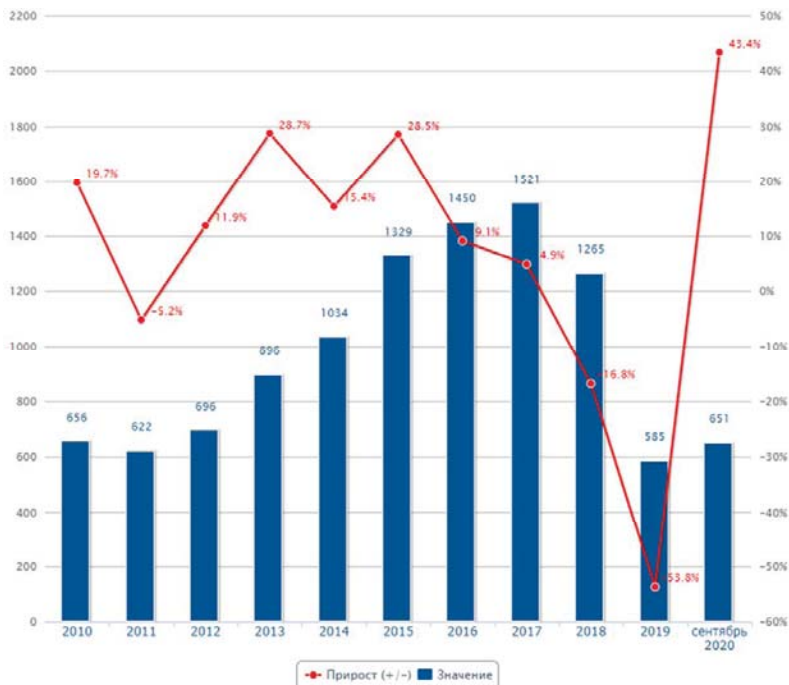

Рисунок 1. Статистические данные по количеству зарегистрированных преступлений экстремистской направленности

Отмеченные обстоятельства со всей очевидностью свидетельствуют о необходимости повышения эффективности предпринимаемых государством усилий в сфере противодействия экстремизму, совершенствования теоретических и методологических основ данной деятельности.

Необходимым условием решения указанной задачи, формирования и реализации многоуровневой системы государственного и об-

ществленного противодействия экстремизму является познание сущности рассматриваемого явления с учетом особенностей его генезиса.

Слово «экстремизм» происходит от латинского «*extremus*» – «крайний» и в современной политологии рассматривается как «склонность к крайним взглядам; использование нелегальных форм политического участия (бунт, погромы, терроризм) для достижения политических целей»¹.

Одним из первых понятие «экстремизм» в своих трудах использовал выдающийся философ, политический мыслитель и правовед эпохи французского Просвещения Шарль Луи Монтескье (Montesquieu), вкладывая в него негативный смысл. В эпоху Великой французской революции он получил распространение в журналистике для обозначения крайних политических сил (как левых, так и правых).

В специальной литературе отмечается, что «как научное понятие термин «экстремизм» одним из первых использовал в начале XX века французский юрист М. Лерой, который основным отличием таких политических течений назвал требование от своих приверженцев абсолютной веры в исповедуемые политические идеалы. Примерами действовавших тогда на политической арене экстремистских политических сил М. Лерой назвал «красный экстремизм» большевиков и «белый экстремизм» монархистов»².

Справедливости ради следует отметить, что до середины прошлого столетия термин «экстремизм» не имел такого широкого распространения в научной и политической литературе как термин «радикализм». В определенном смысле переломным моментом явилось опубликование целого ряда научных работ американских политологов, в которых обосновывалось представление об экстремизме как антиподе либеральной демократии, как крайней форме радикализма, ведущей общество к тоталитаризму. Так, известный немецкий философ и социолог Теодор Адорно, эмигрировавший после прихода нацистов к власти в Соединенные Штаты, в своей работе «Исследование авторитарной личности» вывел так называемую шкалу F, описав совокупность черт фашистского характера: конвенциализм, авторитарное раболепие, авторитарная агрессия, антиинтрацепция, суеверность и стереотипизм, силовое мышление и культ силы, деструктивность и цинизм, проективность, сексуальность³. Этот тип личности можно назвать экстремистским.

¹ См.: Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.К. Фесенко, К.В. Филиппов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 265.

² Кокорев В.Г. Соотношение понятий «терроризм» и «экстремизм» // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1. С. 242.

³ См.: Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.

Таким образом, содержание понятия «экстремизм» за последние два столетия неоднократно претерпевало значительные изменения. Сам термин, обозначающий данное понятие, и в настоящее время является предметом споров о сущности экстремизма и его связи с другими явлениями жизни общества. Принятие в России Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не только не прекратило эти споры, но и придало ведущейся дискуссии новый импульс.

Авторы многочисленных формулировок экстремизма, содержащихся в теоретических источниках, при определении его содержания в подавляющем большинстве случаев руководствуются следующими двумя основными подходами: идеологическим и юридическим.

В рамках идеологического подхода экстремизм определяется как приверженность крайним взглядам, нетерпимость к оппонентам, пренебрежение к общественным нормам, традициям и т.п.¹

Сторонники же другого – юридического – подхода определяют экстремизм через призму его общественной опасности и противоправности².

Многоаспектный анализ экстремизма, проводимый учеными и специалистами различных сфер научной деятельности, позволяет в итоге продемонстрировать и раскрыть в совокупности сложный характер этого социально-политического явления. Однако для эффективной борьбы с экстремизмом правовыми методами и средствами необходимо выявить его признаки, в том числе те, которые поддаются внешнему контролю, закреплению в диспозициях конкретных правовых норм и последующему доказыванию. Как представляется, в качестве таковых можно выделить следующие:

- наличие иной идеи, не совпадающей с той, которая принята в данном государстве и обществе;

- отрицание инакомыслия, нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, экономических, этнических, профессиональных и др.);

¹ См. напр.: Быкадорова А.С. Проектный подход в профилактике распространения экстремизма и идеологии терроризма в сети Интернет // Обзор НЦПТИ. 2017. Вып. № 1(10). С. 60-61; Галицкий В.П. Государственная идеология в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Научно-аналитический журнал «Обозреватель» – Observer. 2010. № 12(251) и др.

² См.: Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: монография. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016; Писаренко О.Н. Терроризм как крайняя форма выражения экстремизма / Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 10. С. 241-248 и др.

- идеологическое обоснование возможности применения насилия ко всем лицам, которые не разделяют экстремистских убеждений;
- достижение целей, которые ставят перед собой приверженцы экстремистских идей, путем нарушения правовых норм;
- публичность и массовость распространения экстремистских взглядов;
- идеологическое обоснование применения насилия по отношению к любым лицам, не разделяющим убеждения экстремистов;
- преобладание эмоциональных способов выражения экстремистских идей;
- демонстративное игнорирование принятых в обществе нравственных норм и правил.

Распространенность в последние годы анализируемого явления и необходимость выработки эффективным мер противодействия его развитию обусловили необходимость введения понятия экстремизма в контекст международного законодательства. Первая попытка международного закрепления этого понятия была предпринята в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, определившей экстремизм как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них».

Фундамент отечественных правовых основ противодействия экстремизму был заложен в 2002 году принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹. При этом, что небезынтересно отметить, законодатель не разделяет такие понятия, как «экстремизм» и «экстремистская деятельность», рассматривая их как синонимы и определяя содержание этих понятий через совокупность действий (явлений), их составляющих. К числу таковых законодатель относит (ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»):

- насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

¹ См.: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организацию и подготовку указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Несмотря на законодательное закрепление понятия экстремизма, дискуссию по поводу содержания данной дефиниции вряд ли можно считать завершённой. Как уже отмечалось ранее, спектр мнений по данному вопросу достаточно широк. Наиболее удачным нам представляется определение экстремизма, сформулированное Н.В. Голубых и М.П. Леготиным, согласно которому экстремизм – это «многоаспектное, противоправное, общественно опасное деяние, носящее асоциальный характер, охватывающее все сферы общественной жизни, имеющее целью подрыв государственных и общественных устоев посредством крайних насильственных методов, выраженное в непринятии иных суждений, безапелляционности и категоричности, а равно в силовом навязывании собственных догм обществу и государству»¹.

Говоря о ситуации в данной сфере на современном этапе развития российского общества, следует отметить, что особую тревогу вызывает активизация экстремистской деятельности с использованием возможностей сети Интернет.

Стремительное развитие сети Интернет и других информационно-телекоммуникационных технологий, степень их вовлеченности практически во все аспекты жизнедеятельности современного общества позволяют говорить о сформированном виртуальном пространстве взаимодействия людей.

В 1985 году сеть Интернет объединяла около двух тысяч компьютеров. Согласно же результатам проведенных исследований по состоянию на июнь 2020 года интернет-аудитория составляла 4833521806 человек. Общая картина распределения пользователей Интернет по регионам мира выглядит следующим образом²:

¹ Голубых Н.В., Леготин М.П. О сущности понятия «экстремизм» // Адвокат. 2013. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Internet Usage Statistics // Internet World Stats. Usage and Population Statistics. – URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

Таблица 1

Распределение пользователей сети Интернет по регионам мира

Регионы и группы стран	Численность населения, чел.	Численность пользователей сети Интернет на 30 июня 2020 г.		Доля прироста за период с 2000 по 2020 год, %
		чел.	%	
Африка	1340598447	566138772	42,2	12,4
Азия	4294516659	2525033874	58,8	2,1
Европа	834995197	727848547	87,2	592,0
Латинская Америка/страны Карибского бассейна	654287232	467817332	71,5	2,5
Средний Восток	260991690	184856813	70,8	5,5
Северная Америка	368869647	332908868	90,3	208,0
Океания/Австралия	42690838	28917600	67,7	279,0
ВСЕГО	7796949710	4833521806	62,0	1,2

Что же касается России, то в настоящее время общее количество интернет-пользователей среди россиян (пользователи в возрасте 12-64 лет) составляет порядка 95,8 млн человек, или 78% населения страны старше 12-ти лет. При этом около 93,0 млн человек, или 76% от населения Российской Федерации, пользуются интернетом хотя бы 1 раз в месяц¹. Более того, 1 июля 2016 года Совет ООН по правам человека принял резолюцию, приравнивающую доступ к сети Интернет к базовым правам человека².

Рассматривая сеть Интернет как глобальное пространство взаимодействия людей, в качестве инструмента такого взаимодействия следует выделить социальные сети, под которыми в общем смысле понимаются «сообщества людей, связанных едиными интересами, общим делом или общающихся между собой по другим причинам»³.

Впервые термин «социальная сеть» использовал в своих работах в середине 60-х годов прошлого столетия известный английский

¹ См.: Сергеева Ю. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii>.

² См.: ООН: право на Интернет – базовое право для всех. – URL: <http://ru.euronews.com/2016/07/05/un-denounces-disruption-of-internet-access-as-human-rights-violation>.

³ Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ// Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. № 1. С.651.

социолог Джеймс Барнс. Так, в своей работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», опубликованной в 1954 году, он отмечал: «Каждый человек имеет определенный круг друзей, и эти друзья в свою очередь имеют собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие нет. Я счел удобным говорить о такого рода социальных полях как о сети. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом»¹.

В дальнейшем различными учеными описывались принципы формирования социальных сетей (П. Эрдос, А. Реньи), развивались теории социальных сетей (Д. Уотс, С. Строгач).

Применительно к сети Интернет понятие «социальная сеть» впервые использовал в 2005 году Тим О’Рейли (основоположник концепции Web 2.0) в своей статье «Tim O’Reilly – What Is Web 2.0»².

В настоящее время, рассматривая социальную сеть как инструмент взаимодействия в сети Интернет, данным понятием обозначают «платформу, онлайн-сервис и веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете»³.

Современная социальная сеть как минимум предлагает следующий набор стандартных сервисов:

- формирование и сохранение аккаунта с контактными данными;
- список контактов/друзей;
- ведение переписки, голосовых сообщений;
- возможность ограничения общения и блокировки пользователей на своей странице (черный список);
- место облачного хранения мультимедийных данных пользователя с функцией передачи;
- RSS – ленты новостей, нового контента, размещенного другими пользователями, или иной обобщенной информации.

На заре становления социальных сетей уже в 2005 году отмечалась их особенность, заключающаяся в том, что пользователь в некотором смысле получит собственное «место жительства» в гло-

¹ Barnes J.A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. New York: Hafner Press, 1975. P. 48.

² См.: O’Reilly Tim What Is Web 2.0 2005. – URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>.

³ Хрущева Л.Б., Церковная К.А. Социальные сети: положительные и отрицательные стороны присутствия социальных сетей в повседневной жизни // Облачные и инновационные технологии в сервисе и образовании: сборник научных трудов / под ред. И.Т. Насретдинова. Казань, 2017. С. 42.

бальной сети Интернет¹, где его могут при необходимости найти, общаться, получать информацию о его жизни. Как совершенно верно отмечает А.С. Воронкин, «специфика социальной сети как интерактивной многопользовательской интернет-платформы заключается в том, что наполнение сайта социальной сети осуществляется его пользователями, которые также имеют возможность формирования социальных связей между собой и создание социальных объектов, таких как тематические группы и другие... Социальная сеть, как феномен цифровой эпохи не только реализует коммуникативные и развлекательные функции, но и функции социализации, рефлексии, самоактуализации, идентификации и формирования идентичности»².

Вполне закономерно, что те возможности, которые предоставляют современные социальные сети для организации социальной коммуникации, сделали эти сервисы сети Интернет крайне популярными у населения всех без исключения стран мира.

Так, по оценкам экспертов, в 2019 году общее количество пользователей социальных сетей в мире составило около 3,48 млрд человек³. По данным ВЦИОМа, «45% россиян старше 18 лет пользуются хотя бы одной из социальных сетей почти каждый день, 62% – хотя бы раз в неделю... Ожидаемо максимальный уровень вовлеченности – среди молодежи – в группе 18-24 года почти ежедневно пользуются социальными сетями 91%, среди опрошенных 25-34 лет таких 69% (в группе старше 60 лет – только 15%)». При этом «самой популярной соцсетью у опрошенных стала «ВКонтакте», на втором месте – Instagram, на третьем – «Одноклассники»⁴.

В своей программной статье «Россия и меняющийся мир», опубликованной в 2012 году, тогда еще премьер-министр, кандидат в президенты РФ В.В. Путин писал: «Можно сказать, что интернет, социальные сети, мобильные телефоны и т.п. превратились ... в эффективный инструмент как внутренней, так и международной политики. Это новый фактор, требующий осмысления, в частности для того, чтобы, продвигая и дальше уникальную свободу общения в интернете, уменьшить риск его использования террористами и

¹ См.: Печенкин В. Анализ социальных сетей: в ожидании чуда // Журнал «Компьютера». 2005. № 42. С. 15-20.

² Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ// Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. № 1. С. 651.

³ См.: Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii>.

⁴ См.: Стало известно, сколько россиян пользуются соцсетями и мессенджерами. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/yugopolis>.

преступниками. В ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» – комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств»¹.

Спустя восемь лет в своем выступлении на коллегии МВД России 26 февраля 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин указал на то, что «с использованием сетевых ресурсов в минувшем году совершено более половины от общего количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. В ходе мониторинга сетевого информационного пространства на контроль поставлено свыше двух тысяч интернет-ресурсов, в том числе групп в социальных сетях, распространявших материалы деструктивного содержания. Всего судами признаны экстремистскими свыше пяти тысяч материалов, из них 193 включены в соответствующий федеральный список в 2019 году»².

И это обстоятельство представляется вполне закономерным. Интернет проникает в каждую сферу человеческой жизни, меняя сами формы взаимодействия между людьми. В частности, отмечается активное формирование интернет-СМИ, обладающих своими специфическими особенностями, вызванными необходимостью оперативной подготовки материала и непрерывного потока информации в сетевом пространстве³. Вместе с тем процесс формирования и совершенствования нормативно-правовой базы, необходимой для регулирования возникающих проблем, явным образом не успевает за активным развитием сети Интернет. При этом даже сформированная нормативная основа не может обеспечить эффективного применения правовых норм, поскольку Интернет представляет собой открытую децентрализованную систему, что исключает само существование такой организационной структуры, которая могла бы обеспечивать контроль за содержанием или действиями пользователей глобальной сети.

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир. – URL: <https://www.mn.ru/politics/78738>.

² Заседание коллегии МВД России. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62860>.

³ См.: Сафина А.Р. Особенности жанров Интернет-СМИ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2. С. 227.

Проблемы криминализации интернета связаны с широкими возможностями совершения преступления при минимальных затратах: злоумышленнику достаточно компьютерного устройства, программного обеспечения и выхода в сеть. При этом наличие специальных знаний для осуществления преступной деятельности в сети нивелируется постоянным упрощением и автоматизацией работы с программным обеспечением, а также существованием специальных форумов, позволяющих не только приобрести программное обеспечение для совершения преступления, но и получить консультации «специалистов» по осуществлению преступного замысла.

Немаловажным фактором также является возможность действовать в условиях анонимности либо использования псевдонимов, при том, что возможность совершения преступления не ограничивается местонахождением самого злоумышленника, что позволяет ему осуществлять преступные действия на любом расстоянии, в том числе и через границу.

Значительную опасность представляет использование возможностей сети Интернет для финансирования экстремистской деятельности, оказания иного содействия в ее организации, подготовке и осуществлении.

Трансграничное распространение информации, используемой в экстремистских целях, создает угрозу нанесения ущерба стабильности государства и международной безопасности. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 года отмечает широкое использование экстремистскими организациями механизмов информационного влияния на сознание индивидуумов, групп и общества в целом с целью создания социальной и межнациональной напряженности, пропаганды расовой и межконфессиональной ненависти, продвижения экстремистской идеологии, а также вербовки¹.

Важно отметить, что экстремизм как крайне опасное преступное явление уверенно перешагнул границы отдельных государств или регионов, о чем свидетельствуют и исследования различных ученых в данной области². Так как преступления данной направ-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² См. напр.: Меркурьев В.В. Организованное сопротивление борьбе с преступностью: монография / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2013; Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: монография. М., 2008; Устинов В.В. Россия: 10 лет борьбы с международным терроризмом. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008 и др.

ленности зачастую имеют ярко выраженный транснациональный характер, противодействие им должно осуществляться и на международном уровне. В свете сказанного необходимо согласиться с точкой зрения Д.С. Хижняка, который указывает на необходимость принятия Стратегии борьбы с транснациональной криминальной деятельностью, потребность в которой обуславливается динамикой изменений, происходящих в России и в мире, возникновением новых вызовов и угроз, связанных прежде всего с активизацией транснациональной преступности¹.

Таким образом, интернет как феномен цифровой эпохи становится неотъемлемой частью современной жизни, проникая в каждую из сфер общества от экономики до межличностных отношений. Именно возможность построения социального взаимодействия в сети Интернет стала основой появления и причиной популярности социальных сетей в современном обществе.

Нарастающие темпы компьютеризации, стремительное удешевление услуг доступа к глобальной сети, а также ее повсеместное использование привели к постановке вопроса об отнесении права пользования сетью Интернет к правам человека. Однако экстремизм как деструктивное явление также активнейшим образом использует современные возможности компьютерной техники, расширяя охват своей пропаганды пропорционально расширению сети Интернет.

Проблема противодействия экстремизму в пространстве сети Интернет включает в себя как общие проблемы, связанные с интернет-преступностью (анонимность, простота совершения преступления, сопряженная с минимальными рисками, неограниченным расстоянием и широким кругом охвата), так и проблемы квалификации деятельности как экстремистской в условиях отсутствия явно выраженного экстремистского характера действий. При этом необходимо отметить опасность вовлечения в экстремистскую деятельность молодежи, а также колоссальные объемы данных в сети Интернет, что существенно затрудняет возможности противодействия подобного рода преступлениям.

Указанные обстоятельства настоятельно требуют не только повышения эффективности противодействия распространению экстремизма в сети Интернет, но и совершенствования правовой основы предпринимаемых государством усилий в данной сфере.

¹ См.: Хижняк Д.С. О проекте стратегии противодействия транснациональной криминальной деятельности в Российской Федерации // Научный журнал «Библиотека криминалиста». 2016. № 6(29). С. 17-30.

1.2. Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет

Конституция Российской Федерации, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, обозначаются в действующем уголовном законодательстве как преступления экстремистской направленности (прим. 2 к ст. 282 УК РФ). Поскольку в рамках данной работы рассматриваются преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием социальных сетей, будет целесообразным уделить особое внимание следующим составам:

1. Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

2. Статья 280.1. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

3. Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

Данные уголовно-правовые нормы содержатся в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти» УК РФ.

Типовым объектом преступлений против государственной власти являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование и стабильность государственной власти в России в целом, а также ее отдельных институтов и органов. Отнесение указанного вида преступлений к преступлениям против государственной власти представляется обоснованным, так как в результате совершения преступления возникает реальная угроза целостному существованию российского государства, его внутренней гармонии¹. Повышенная общественная опасность данного вида

¹ См.: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С.В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. С. 81.

преступления характеризуется тем, что посягательство выходит за рамки межличностного уровня общественных отношений и вторгается в область межгрупповых отношений.

Родовым объектом рассматриваемого вида преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие реализацию основополагающих принципов, отражающих сущность государства, правовое положение личности, основы экономического строя, систему и порядок взаимодействия государственных органов, а также безопасность Российской Федерации.

Непосредственный объект таких преступлений в отмеченных нормах УК РФ различен.

Экстремизм в сети Интернет неоднороден, его можно разделить на две составляющие¹:

- совершение собственно преступлений экстремистской направленности с использованием сети Интернет (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, нарушению территориальной целостности РФ, возбуждение ненависти или вражды);

- деятельность, способствующая экстремизму (вербовка в экстремистские организации, сбор средств или организация взаимодействия между членами экстремистских групп и т.д.).

Как представляется, такое разделение в равной степени отражает и объективную сторону исследуемых преступлений.

Объективная сторона преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, выражается в публичных призывах (т.е. действиях) к осуществлению действий экстремистской направленности, а также направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды.

Публичные призывы представляют собой выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет²) обращения к другим лицам

¹ См.: Климович Л.П., Мартыненко С.В. О криминалистической характеристике преступлений экстремистской направленности, совершаемых в интернет-пространстве // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции с международным участием / научн. ред. Н.А. Никиташина; отв. ред. В.Н. Козлова. 2019. С. 190-196.

² См.: Хлебушкин А.Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. 2014. № 11. С. 25.

с целью побудить их к осуществлению указанной деятельности. В контексте настоящего исследования следует акцентировать внимание на таком преступлении, как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, поскольку объективная сторона данного преступного деяния характеризуется особой сложностью ввиду того, что действие не ограничивается одним лишь призывом. В таком случае термин «возбуждение», используемый в сочетании со словами «ненависть» или «вражда», следует понимать как активные действия, которые могут (а с точки зрения виновных — должны) привести к возникновению либо возобновлению и (или) усилению в других людях ненавистного либо враждебного отношения к каким-либо группам людей (например, к представителям определенной национальности)¹.

Другие сложности, связанные с объективной стороной преступления, выражаются в том, что все случаи возбуждения ненависти и вражды можно условно подразделить на две группы:

- ситуации, когда экстремистский смысл сообщения никак не скрывается, а разжигающие ненависть и вражду призывы и сведения провозглашаются прямо и открыто, в связи с чем они воспринимаются одинаково всеми субъектами;

- ситуации, когда смысловая направленность высказываний носит закамуфлированный характер, поэтому нуждается в установлении и выявлении.

В последнем случае возникают сложности с определением самого факта возбуждения ненависти или вражды.

В методических рекомендациях, подготовленных Генеральной прокуратурой Российской Федерации, выделяются следующие признаки, позволяющие дать правильную оценку тексту публикации как направленному на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды²:

- приписывание всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой;

¹ См.: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С.В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. С. 104.

² См.: Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой, религиозной вражды» (утв. заместителем Генерального прокурора РФ 29 июня 1999 г. № 27-19-99). — URL: <http://politkor.narod.ru/baza-exp/metodic.htm>.

- утверждения об изначальной враждебности определенной нации, расы, религии;
- утверждения о природном превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности других;
- формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии;
- приписывание враждебных действий и опасных намерений одной нации, расе, религии по отношению к другой;
- возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую, религиозную группу;
- утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной этнической или религиозной группы с интересами других;
- перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю этническую или религиозную группу;
- утверждения о наличии тайных планов, заговоров одной национальной или расовой, религиозной группы против других;
- объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем и будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых, религиозных групп;
- побуждение к действиям против какой-либо нации, расы, религии;
- поощрение, оправдание геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии;
- требования вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфессиональной принадлежности;
- требования ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному признаку;
- угрозы и подстрекательства к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы, религиозной принадлежности.

При этом в Методических рекомендациях указывается, что в случаях, когда «...в процессе проверки при содержательном анализе публикации (публичного выступления) будет выявлено, что текст или его часть прямо подпадают под один или несколько вышеперечисленных признаков, необходимо решать вопрос о возбуждении уголовного дела». Также обращается внимание на то, что не каждый материал такого рода выражает перечисленные идеи в неприкрытой форме. Такой материал может быть исполнен так, что подобные

мысли автора могут быть переданы с помощью различных уловок. В результате информация, способная возбудить враждебность к тем или иным этническим, расовым, религиозным группам, унижить человеческое достоинство, становится завуалированной, но понятной лицу, ее воспринимающему. Публикатор (оратор) в таких случаях чаще всего намерен не только возбудить ненависть либо вражду под видом реализации предоставленного ему Конституцией Российской Федерации права на свободу слова и свободу массовой информации, но еще и уйти от ответственности.

Такие уловки достаточно точно охватываются классификацией, подготовленной в рамках исследовательского проекта «Язык вражды» А.М. Верховским в отношении средств массовой информации, с которыми социальные сети в настоящее время имеют много общего. Она включает в себя три группы признаков¹:

1. Жесткий язык вражды, заключающийся в:

- прямых и непосредственных призывах к осуществлению насильственных действий;
- общие лозунги, ставящие своей целью призыв к насилию;
- призывы к дискриминации в прямой и непосредственной формах;
- общие лозунги, призывающие к насильственным действиям;
- призывы к насилию и дискриминации в завуалированной форме.

2. Средний язык вражды, включающий в себя:

- действия, направленные на оправдание случаев насилия и дискриминации в истории;
- выражение сомнения в общепризнанных исторических фактах насилия и дискриминации;
- позиционирование той или иной этнической или религиозной группы как виновных в преступлениях прошлого;
- попытка дискредитации этнических и религиозных групп, заключающаяся в их связывании с российскими и иностранными политическими и государственными структурами;
- утверждения предрасположенности к совершению преступлений той или иной этнической или религиозной группы;
- рассуждения о несправедливом превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в финансовом благополучии, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;
- обвинение той или иной этнической или религиозной группы в негативном влиянии на общество, государство (в частности, в

¹ См.: Верховский А.М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр «Панорама», 2002. С. 42-43.

«размывании национальной идентичности»);

- призывы не допустить закрепление в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе.

3. Мягкий язык вражды, заключающийся в:

- создании негативного образа той или иной этнической или религиозной группы;

- упоминании в уничижительном контексте названия этнической или религиозной группы;

- утверждении о неполноценности, обусловленной недостатком культурности, интеллектуальных способностей, неспособностью к созидательному труду той или иной этнической или религиозной группы как таковой;

- утверждении о моральной неполноценности той или иной этнической или религиозной группы;

- упоминании представителей этнической или религиозной группы или группы в целом в оскорбительном или уничижительном контексте;

- цитировании экстремистских высказываний и текстов.

Деятельность в пространстве сети Интернет, способствующая экстремизму (вербовка в экстремистские организации, сбор средств или организация взаимодействия между членами экстремистских групп), традиционно характеризуется использованием технических устройств с доступом к сети Интернет, выступающих в качестве средств совершения преступления. Объективная сторона подобного рода преступлений также выражается в совершении действий, направленных на вербовку, сбор средств и т.п.

Указанные составы являются формальным, то есть преступление считается оконченным с момента совершения действия.

Первым признаком субъекта каждого преступления экстремистской направленности, как и любого другого преступления, является то, что им должно быть физическое лицо. В соответствии с действующим уголовным законодательством субъектом преступлений могут быть граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства (ст. 19 УК РФ).

Вторым общим признаком, которым должен обладать субъект преступления, является вменяемость — такое состояние психики, при котором человек способен осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими.

Третьим общим признаком субъекта преступления является установленный уголовным законом возраст привлечения к уголов-

ной ответственности. В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ «...уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста». Рассматриваемая категория преступлений предполагает шестнадцатилетний возраст его субъекта (ст. 20 УК РФ).

Все преступления экстремистской направленности могут быть совершены только с формой вины в виде умысла. Определение умысла, закрепленное в ст. 25 УК РФ, касается только преступлений с материальными составами, тогда как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), имеют формальную конструкцию состава.

В теории уголовного права выделяются два условия отнесения мотива к обязательным признакам субъективной стороны конкретных составов преступлений: 1) указание на мотив непосредственно в тексте диспозиции статьи Особенной части УК РФ; 2) необходимость наличия мотива следует из юридической природы конкретного состава и определяется путем сопоставления данной нормы с другими нормами Особенной части УК РФ.

С учетом социально-психологического содержания и нравственно-этической оценки в литературе предлагается выделять следующие группы мотивов преступлений: 1) низменные мотивы, являющиеся различными формами проявления эгоизма; 2) мотивы, лишенные низменного содержания; 3) мотивы идейно-политического характера¹.

Мотивы ненависти либо вражды хотя и не выступают в качестве обязательного признака субъективной стороны деяния, предусмотренного ст. 282 УК РФ, однако с учетом особенностей объективной стороны и ее направленности могут присутствовать в психике виновных, то есть являются факультативными признаками отмеченного элемента состава данного преступления. Мотивы деяния неизбежно находят свое отражение в объективных моментах (фактах, факторах) совершаемого деяния, наличие которых, особенно их сочетания, следует учитывать при юридической оценке преступления.

Немаловажным представляется уделить особое внимание вопросу о том, является ли размещение экстремистских материалов в сети Интернет длящимся преступлением. Достаточно часто длящиеся преступления характеризуются непрерывностью осуществления преступления, а размещение материалов в социальных сетях как фактическое действие злоумышленника заканчивается с момента

¹ См.: Бондаренко В.О. Уголовно-правовое значение мотива преступления // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 8.

публикации; в таком случае осуществление преступления прерывается. Однако, как представляется, такой характеристики недостаточно для описания делящихся преступлений. Для этого необходимо выделить конструктивные признаки таких преступлений¹.

В качестве первого признака такого преступления необходимо выделить непрерывность не столько самого действия, сколько опасного воздействия на объект преступления. Охраняемые законом общественные отношения подвержены непрерывному нарушению в течение всего времени делящегося преступления. Хрестоматийным примером такого воздействия является незаконное хранение огнестрельного оружия, где нарушение происходит с момента начала хранения и до момента его окончания.

Следующим признаком делящегося преступления является непрерывность осуществления преступного действия или, что немаловажно, бездействия, которые образуют собой своеобразное преступное состояние. Так, при незаконном хранении огнестрельного оружия, как типичном примере делящегося преступления, это преступное поведение осуществляется субъектом непрерывно и вне зависимости от того, чем занят субъект: находится он в отъезде, отдыхает, пребывает в состоянии сна или занимается какой-либо иной деятельностью. Это преступление не подразумевает собой ни постоянных действий, направленных на хранение, ни непрерывного надзора за оружием. Такое преступление будет длиться до момента смерти злоумышленника, добровольной сдачи оружия или пресечения преступления правоохранительными органами.

Последним признаком делящегося преступления является признак субъективной стороны — цель. Субъективная сторона делящегося преступления может характеризоваться только наличием вины в форме прямого умысла, что следует из того, что все делящиеся преступления имеют конструкцию формального состава. Причем прямой умысел преступника всегда формируется его конкретной целью, которая может быть как указана, так и не указана прямо в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона.

Рассматривая преступления, предусмотренные ст. 280 или ст. 282 УК РФ, совершенные при помощи социальных сетей, с точки зрения перечисленных признаков, необходимо обратить внимание на то, что лицо, разместившее в социальной сети материал экстремистского характера, осуществляет посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства. Возникает закономерный вопрос: если такое преступление совершается в форме

¹ См.: Шумихин В.Г. Конструктивные признаки делящегося преступления // Вестник пермского университета. 2010. № 2. С. 216.

выступления на собраниях, митингах, то завершается ли нарушение охраняемых законом общественных отношений с окончанием выступления или его части, содержащей экстремистский призыв? Однако в случае размещения материалов в сети объект преступления подвергается нарушению в течение всего времени доступа третьих лиц к экстремистскому материалу. В таком случае наличествует признак непрерывного негативного воздействия.

Как было указано ранее, непрерывность осуществляемого злоумышленником деяния включает в себя как действие, так и бездействие, что в случае размещения экстремистских материалов в социальных сетях начинается в форме активного действия – размещения таких материалов, но в дальнейшем лицо, обладающее возможностью прекратить противоправные действия, не предпринимает мер по их устранению. Следовательно, и признак непрерывности преступного состояния соблюдается.

Целью размещения экстремистских материалов в пространстве социальных сетей выступает желание субъекта преступления возбудить ненависть, вражду или унижение человеческого достоинства по признакам, перечисленным в ст. 282 УК РФ, или призвать к осуществлению экстремистской деятельности, нарушению территориальной целостности Российской Федерации в ст.ст. 280 и 280.1 УК РФ соответственно.

Основная сложность возникает при характеристике цели. С одной стороны, можно говорить, что в случае размещения экстремистских материалов на странице аккаунта злоумышленника достижение цели осуществляется до момента смерти субъекта, самостоятельного удаления материалов. Именно от этого момента должна исчисляться давность совершения преступления или пресечения правоохранительными органами. С другой стороны, комментарии или записи на страницах других аккаунтов должны быть рассчитаны на последующее ознакомление с информацией других лиц¹, что требует особого внимания в процессе расследования. Кроме того, вопрос о прерывании преступления возникает в случае утраты субъектом по тем или иным причинам доступа к аккаунту, который использовался при размещении экстремистских материалов. В таком случае утрата доступа к аккаунту, а также прекращение его использования по другим причинам создает сомнение в том, что лицо сознательно бездействовало при возможности прекратить

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 20.09.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

противоправную деятельность, поскольку даже при наличии желания прекратить противоправную деятельность лицо не имело возможности это сделать.

Таким образом, преступления экстремистской направленности характеризуются как преступления с формальным составом, объектом которых являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование и стабильность государственной власти в России в целом, а также ее отдельных институтов и органов, реализацию основополагающих принципов, отражающих сущность государства, правовое положение личности, основы экономического строя, систему и порядок взаимодействия государственных органов, а также безопасность Российской Федерации. Объективная сторона характеризуется деянием в форме действия. Субъект таких преступлений общий – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Субъективная сторона характеризуется наличием умысла на совершение преступления, а также факультативным, но значительным признаком идеологического мотива совершения преступления. Особое внимание необходимо обратить на делящийся характер экстремистских преступлений в пространстве социальных сетей.

1.3. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей

Как известно, разработка частных методик расследования отдельных видов преступлений основывается на данных криминалистической характеристики этих видов преступлений¹.

Рассматриваемая многими учеными в качестве «основополагающего понятия науки», «принципиально новой категории криминалистики», криминалистическая характеристика преступлений, тем не менее, остается предметом активного исследования и обсуждения ученых-криминалистов. Анализ специальной литературы позволяет выделить две наиболее распространенные точки зрения по данному вопросу. В трудах таких ученых, как И.Ф. Герасимов, А.Н. Колесниченко, Н.А. Селиванов и др. приводятся лишь общие определения криминалистической характеристики без раскрытия

¹ См.: Бессонов А.А. Значение криминалистической характеристики преступлений в отечественной криминалистике // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4(14). С. 117.

элементов, ее составляющих¹. Другие же исследователи (И.А. Возгрин, В.Г. Танасевич, Н.П. Яблоков и др.) в своих работах формулируют понятие криминалистической характеристики посредством перечисления ее элементов².

Так, по мнению Н.П. Яблокова и А.Ю. Головина, содержание криминалистической характеристики включает в себя три элемента: криминалистические черты способа совершения преступлений; типичные следственные ситуации; характер информации, подлежащей выяснению³.

По мнению В.Б. Вехова, в структуру криминалистической характеристики преступлений необходимо включать криминалистически значимые сведения о личности правонарушителя; мотивации и целеполагании его преступного поведения; типичных способах, предметах и местах посягательств, а также о потерпевшей стороне⁴.

Р.С. Белкин считает, что криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему взаимосвязанных элементов, включающую «характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка)»⁵.

¹ Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976. С. 93-97; Колесниченко А.Н., Коновалова В.Е. Актуальные проблемы тактики и методики расследования преступлений // Проблемы социалистической законности: Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 3. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1978. С. 96-103; Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методиках расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 56-57.

² Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: Курс лекций. Ч. 3. СПб: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та МВД России, 1993; Образцов В.А., Танасевич В.Г. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1976. № 25. С. 94-104; Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. 2000. № 2. С. 3-13.

³ Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин. - 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2009. С. 56.

⁴ Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 1995. С. 47.

⁵ Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. - 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 736.

Тем не менее, несмотря на все существующие споры по поводу понятия «криминалистическая характеристика преступлений», большинство криминалистов считают, что «...это информационная или вероятностная модель типичных признаков определенной категории общественно опасных деяний, характеризующаяся закономерными связями между ее элементами»¹.

Криминалистическая характеристика преступлений является, по нашему мнению, неотъемлемой частью разрабатываемой частной методики расследования. Традиционно криминалистическая характеристика, являясь результатом обобщения и научного анализа судебно-следственной практики, рассматривается как обобщенная упорядоченная система (реже как совокупность) описаний криминалистически значимых и закономерно связанных типичных признаков изучаемой категории преступлений в целях формирования научно обоснованных рекомендаций для наилучшей организации расследования.

Значение криминалистической характеристики преступлений в следственной деятельности заключается в том, что она «...позволяет выдвинуть обоснованные версии относительно неустановленных обстоятельств на первоначальном этапе расследования преступлений, когда в большинстве случаев существует дефицит исходной информации (а он существует практически всегда), за счет устойчивых корреляционных связей между ее отдельными элементами; построить информационные модели события преступления и возможных преступников, тем самым играя роль элемента криминалистического прогнозирования»².

Как отмечает О.Я. Баев, «...следует с уверенностью констатировать, что криминалистические характеристики преступлений отдельных видов незримо, но реально, так сказать, генетически существовали и до формулирования их в виде самостоятельной криминалистической категории. Без них было бы невозможным создание любой частной криминалистической методики...»³.

Рассматривая криминалистическую характеристику преступлений экстремистской направленности, совершенных в простран-

¹ Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использования в процессе расследования // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1(3). С. 35.

² Каплун Д.Д. Понятие категории «криминалистическая характеристика» в современной криминалистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-1(31). С. 92.

³ Баев О. Я. И все же: реальность или иллюзия? Еще раз о криминалистической характеристике преступлений // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1(3). С. 20.

стве социальных сетей, необходимо отметить такие ее элементы, как криминалистически значимая информация о месте совершения преступления, личности преступника, включающая в себя сведения о поле, возрасте, образовании, участии в экстремистских организациях; данные о цели и мотиве совершения преступления; способе совершения преступления и следовой картине. Обстановка, а также время и место совершения преступления в реальном пространстве в условиях совершения преступления в пространстве сети Интернет не будут иметь такого значения, как при расследовании «традиционных» преступлений.

Обычно под местом происшествия понимается помещение, хранилище, участок местности, в котором обнаружены предметы и(или) следы, указывающие на возможное совершение преступления. Место происшествия не полностью равнозначно месту совершения преступления. Так, местом происшествия может быть не только то место, где совершено преступление, но и то, где обнаружены различные следы, указывающие на его отношение к совершенному деянию. Это может быть место подготовки к преступлению или сокрытия преступления, вещественных доказательств и т.д.

В контексте рассматриваемой проблематики необходимо констатировать, что совершение преступления при помощи сети Интернет закономерно оставит следы в самой глобальной сети, устройстве злоумышленника, потерпевшего.

Социальная сеть, будучи интернет-ресурсом, расположенным на одном из серверов сети Интернет, не является и не может являться частью географического пространства. При таком подходе можно выделить следующие возможные варианты места совершения преступления:

- место нахождения злоумышленника;
- место нахождения потерпевшего;
- местоположение сервера, на котором хранятся данные социальной сети.

Наиболее предпочтительным и логичным, на первый взгляд, представляется определение места совершения преступления по месту, где физически находится социальная сеть – сервер. Однако поиск серверов не имеет практического значения, поскольку совершение преступления в пространстве социальной сети образует следовую картину, состоящую из электронных следов, для изучения которых отсутствует необходимость в непосредственной работе с сервером. Кроме того, в связи с масштабами современных социальных сетей представляется невозможной непосредственная работа с сервером и его поиск. Так, количество серверов социальной сети

«ВКонтакте» превышает десять тысяч. Разумеется, не будет по месту нахождения сервера и других следов, поскольку ни злоумышленник, ни потерпевший там находиться не могли.

Местоположение потерпевшего на момент совершения преступления может содержать информацию о преступном результате или следы реализации объективной стороны преступления. Однако, поскольку взаимодействие людей в социальной сети происходит опосредовано, через аккаунты, доступ к которым может осуществляться независимо от устройства, местоположение потерпевшего на момент совершения преступления не содержит никакой информации о преступлении, которая не может быть получена удаленно. Кроме того, следует учитывать и то, что портативность современных средств компьютерной техники делает возможным совершение преступлений рассматриваемой категории из любой точки, вплоть до общественного транспорта.

Как представляется, в отношении данных преступлений целесообразно расширительно толковать место происшествия, включая в него цифровое пространство и социальные сети в частности, поскольку именно там будет находиться интересующая следствие информация в виде переписки, опубликованных материалов, лог-файлов, IP-адресов. Именно там должен начинаться процесс расследования таких преступлений.

Рассматривая личность преступника, следует отметить, что ввиду своей высокой информативности она закономерно является одним из основных элементов криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности.

Говоря об особенностях личности подозреваемого, трудно не поддержать точку зрения В.К. Гавло о том, что предметом изучения криминалистической науки являются такие данные о личности субъекта преступления, которые указывают на закономерные связи между ним и совершенным преступлением, проявляющиеся вовне – в различных последствиях содеянного. Следовательно, личность следует изучать как слеодообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия¹.

На связь обстоятельств преступления экстремистской направленности с личностью совершающего его лица также указывали Д.Г. Скориков и Н.В. Шувалов².

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Алтайский государственный университет, 1985. С. 197.

² Скориков Д.Г., Шувалов Н.В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики

В юридической литературе отмечается очевидное лидирование мужчин как субъектов преступлений экстремистской и террористической направленности, соотношение которых с женщинами значительно превосходит среднее (обобщенное) соотношение мужской и женской преступности¹. Так, согласно данным судебной статистики за 2019 год², доля женщин, осужденных за совершение различного рода преступлений, составила 14%, в то время как за совершение преступлений экстремистской направленности в 2019 году в общем числе осужденных за совершение подобного рода преступлений на женщин приходится всего лишь 4%. Как можно заметить, женщины совершают преступления рассматриваемой категории значительно реже, и подобного рода случаи, как правило, дополнительно обусловлены мстью, вызванной утратой близкого человека, зависимостью (психологической или материальной) от человека, входящего в экстремистское сообщество.

По результатам исследования преступлений экстремистской направленности в пространстве телекоммуникационных сетей В.О. Давыдов пришел к выводу о том, что 97% лиц, осужденных за совершение подобного рода преступлений, являются мужчинами³, что совпадает с данными прошлых лет (97% мужчин от числа осужденных в 2017 году, аналогичный показатель в 2016 году, 95% — в 2015 году, аналогичный показатель в 2014 году⁴). Отмеченное позволяет сделать вывод о наличии определенной закономерности в рассматриваемом аспекте.

И.В. Сарычева в своем исследовании определяет возраст лиц, совершающих преступления экстремистской направленности⁵: до преступлений экстремистской направленности // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2016. № 2(36). С. 151.

¹ См.: Кулешов Р.В. Криминалистически значимые особенности субъектов преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: гендерный аспект // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 2. С. 89.

² См.: Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года. — URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k5_1-svod_yse_sudy-2019.xls.

³ Давыдов В.О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2013. С. 27.

⁴ См.: Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. — URL: http://crimestat.ru/social_portrait.

⁵ Сарычева И.В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // *Общество и право*. 2014. № 3(49). С. 220.

18 лет – 24%, от 18 до 25 лет – 57%, от 25 до 30 лет – 8%, от 30 до 40 лет – 6%, старше 40 лет – 5%. В совокупности доля лиц, совершающих преступления экстремистской направленности до 30 лет, составляет 89%, что является абсолютным большинством. Подавляющая доля молодежи в субъектном составе преступлений экстремистской направленности в значительной степени совпадает с возрастным составом социальных сетей.

Анализ данных исследования Mail.Ru Group по определению возрастного состава пользователей социальных сетей¹, согласно которому совокупная доля пользователей от 12 до 34 лет составила 59% в сети «ВКонтакте», 52% в сети «Одноклассники», 51% в сети «Мой мир», позволяет указать на одну из причин активного перехода преступлений экстремистского характера в виртуальную плоскость, где наиболее активное участие принимает именно молодежь.

Так, 28 марта 2018 года Генеральная прокуратура Российской Федерации утвердила обвинительное заключение в отношении 20-летнего жителя г. Москвы в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, ч. 1 ст. 205.2 УК РФ и ч. 2 ст. 280 УК РФ. По версии следствия, в 2014 и 2015 годах, он, используя компьютерно-техническое устройство, имеющее соединение с глобальной сетью Интернет, учетные записи под псевдонимами, являясь участником групп «Jugend-88» и «Штурмовой корпус» в социальной сети «ВКонтакте», опубликовал на страницах указанных групп высказывания с призывами к насилию и причинению вреда лицам, объединенным по признакам национальности, происхождения, религии, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности².

Как правило, преступления экстремистской направленности совершаются лицами, имеющими среднее общее или среднее профессиональное образование. Их совокупная доля в общем числе осужденных в 2019 году за совершение рассматриваемых преступлений составляет 68%³.

Образованность, особенно наличие специального или высшего образования, позволяет данным лицам использовать современные возможности компьютерной техники для пропаганды экс-

¹ См.: Социальные сети в России. Mail.Ru Group. – URL: <https://corp.imgsmail.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotcialnykh-setej.pdf>.

² См.: Генеральная прокуратура Российской Федерации направила в суд уголовное дело об экстремистской деятельности. – URL: <http://genproc.gov.ru/war/news/news-1355032>.

³ См.: Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k5_1-svod_vse_sudy-2019.xls.

тремистской идеологии, склонять большее число лиц к участию в экстремистской организации (сообществе), а также осуществлять публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждать ненависть, вражду не только при помощи жесткого языка вражды, но и путем внешне привлекательных образов, отсылающих к представлениям о добре и справедливости. Важно отметить, что при этом активная деятельность субъекта будет занимать большой объем его свободного времени, вытесняя личную и семейную жизнь.

Так, 27 февраля 2017 года Октябрьский районный суд г. Саратова приговорил признать подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ за действия в социальной сети «ВКонтакте», направленные на унижение человеческого достоинства по признаку национальности – русские, в отношении группы лиц, обозначенных использованным словом «вата»/«ватник». Подсудимый гражданин РФ, образование среднее, на момент рассмотрения дела работал контролером общества с ограниченной ответственностью «Авто-Маркет-С», холост, не судим¹.

Не вызывает сомнений, что криминалистическую характеристику преступлений экстремистской направленности невозможно рассматривать в отрыве от мотива совершения таких преступлений, который по своей сути является внутренним побудителем деятельности субъектов, их совершающих.

Как представляется, мотив является центральным элементом рассматриваемых общественно опасных деяний, так как именно он делает любое общественно опасное деяние экстремистским. В связи с этим мы не можем согласиться с позицией ряда ученых, которые разделяют преступления экстремистской направленности в зависимости от роли мотива в них на две группы: преступления, в структуре которых мотив является обязательным; преступления, для которых этот элемент является факультативным, необязательным для структуры преступления².

Как известно, целью преступлений экстремистской направленности является донесение до общества своих взглядов, вербовка новых единомышленников, посвящение их в экстремистскую идеологию, получение финансирования.

¹ См.: Постановление Октябрьского районного суда г. Саратова от 27.02.2017 по делу № 1-28/2017 / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

² См.: Кулешов Р.В. Роль мотивации в структуре криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности и террористического характера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4(59). С. 25.

В качестве основных мотивов преступлений экстремистской направленности выступают политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. При этом чувство неприязни к нации, расе, конфессии в своей основе может иметь уверенность в принадлежности к «правильной» конфессии или «высшей» расе, в национальной исключительности или представлении о превосходстве своей расы или национальности на основании большей интеллектуальности, более высокой морали по сравнению с другими национальностями или расами.

В качестве другого основания необходимо отметить личный мотив, который может быть сформирован под влиянием обиды, нанесенной представителем другой расы или национальности. Такая обида в дальнейшем получает распространение на другую расу или нацию¹. При этом немаловажно отметить роль национальных и расовых стереотипов и образов, которые в свою очередь не корректируются окружающей действительностью, но сами деформируют восприятие субъектом окружающих. Каждый из указанных мотивов может быть определен как ксенофобия², обозначающая нетерпимость, неприязнь, ненависть к кому-либо или чему-либо непривычному, чужому, незнакомому. В широком смысле данное понятие включает в себя любые разновидности нетерпимости на почве расы, национальности, вероисповедания, культуры, политических взглядов. В узком смысле — неприязнь к людям иной национальности и культуры.

Так, в Ставропольском крае был осужден 26-летний представитель неоязыческой идеологии за размещение на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» информационного материала «Белый букварь», в 2010 году признанного экстремистским. Материал содержал призывы к насилию над лицами еврейской и кавказской национальности, а также нецензурную лексику в адрес христианской конфессии³.

В настоящее время в Российской Федерации наиболее активными организациями, чья деятельность направлена на совершение преступлений экстремистского характера, являются организации

¹ См.: Скориков Д.Г., Шувалов Н.В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36). С. 151.

² См.: Пестерева Ю. С., Чекмезова Е.И. Мотивы преступлений экстремистской направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1(60). С. 56.

³ Ставропольского неоязычника осудили за экстремизм и любовь к запрещенной музыке. — URL: <https://www.stav.kp.ru/online/news/3133329>.

так называемых русских патриотов и иных националистов, неонацистских организаций и групп, исповедующих идеи ксенофобии, а также организации радикальных исламистов, провозглашающие идеи религиозно-национальной нетерпимости и регионально-сепаратизма (что в большей степени характерно для республик Северного Кавказа и Поволжья). В меньшей степени общественную опасность представляют организации лево-анархистского, религиозно-сектантского толка. Представляется важными отметить формирование так называемого либерального экстремизма, находящего свою цель в проведении массовых протестных акций, подстрекательстве к региональному сепаратизму как инструменту политической борьбы, сопровождаемому либерально-демократическими лозунгами¹.

Механизм совершения преступлений в пространстве социальных сетей представляет особенный интерес, поскольку в значительной степени отличается от механизма совершения «традиционных» преступлений. Такая специфика связана прежде всего с механизмом следообразования.

Любая преступная деятельность, как и деятельность человека вообще, неизменно связана с образованием следов. Соответственно, от полноты выявления, исследования и эффективного использования информации, содержащейся в следах преступления, во многом зависит успех его раскрытия и расследования.

Криминалистическое учение о механизме следообразования традиционно подразделяет следы преступления по виду следа-носителя на материальные, когда в ходе совершения преступления происходят изменения в неживой природе, и идеальные, когда совершение преступления приводит к возникновению и закреплению мысленных образов в сознании и памяти людей².

В процессе образования материальных следов участвуют следообразующий и следовоспринимающий объекты. Соответственно, следообразующим объектом будет объект, оставляющий след, а следовоспринимающим – тот объект, на котором след остался. Поверхность или ее часть, которой объекты соприкасались, называется контактной.

Материальные следы преступления традиционно принято делить на следующие виды:

¹ См.: Никонов К.О. Теоретико-правовые основы противодействия экстремизму в Российской Федерации: учебное пособие. Владивосток: Дальневосточный ЮИ МВД России, 2012. С. 78.

² См.: Льянов М.М. Следы на электронных носителях информации: определение понятия // Вопросы безопасности. 2020. № 2. С. 7-14.

- следы-отображения — следы контакта двух объектов, в результате которого особенности строения одного объекта отображаются на другом (отпечатки пальцев, следы обуви, шин, зубов и т.д.);

- следы-предметы — объекты (предметы или фрагменты (обломки) предметов), возникновение, перемещение или изменение которых связано с подготовкой, совершением, сокрытием преступления;

- следы-вещества — частицы различных веществ, как жидкостей, так и порошков, появление которых вызвано подготовкой, совершением или сокрытием преступления.

По слеодообразующему объекту материальные следы делятся на следы человека, следы орудий и инструментов, следы транспортных средств и т.д.

Исходя из характера слеодообразования следы-отображения разделяют на объемные и поверхностные. Объемные следы обладают тремя пространственными параметрами: длиной, шириной и глубиной (высотой). Поверхностные следы не обладают глубиной (высотой), то есть являются двухмерными.

Как представляется, наиболее важной для дальнейшего рассмотрения механизма слеодообразования при совершении преступлений экстремистской направленности в пространстве социальных сетей является классификация материальных следов по степени их видимости на видимые, слабовидимые и невидимые.

Видимые следы можно обнаружить без затруднений без использования специальных средств. К таким следам относятся: пятна крови, следы обуви на снегу, мягком грунте, следы шин на грунте и т.д.

Слабовидимые следы требуют внимательного исследования, но могут быть обнаружены без специальных средств при изменении угла обзора или освещения. К таким следам можно отнести отпечатки пальцев на стекле, следы босой ноги на кафельной плитке, мелкие волокна ткани, волосы и т.д.

Невидимые следы невозможно обнаружить без использования специальных средств. К таким следам можно отнести отпечатки пальцев на бумаге или других неблестящих предметах.

Другим видом следов являются идеальные следы, формирующиеся не в материальной, а в идеальной форме. Данное обстоятельство обуславливает наиболее характерную особенность идеальных следов — отражение события преступления происходит в сознании человека при отсутствии прямого «материального» контакта при взаимодействии объектов, в то время как материальные следы могут

возникнуть исключительно в ходе такого контакта¹. Исходя из отмеченного идеальные следы преступления можно рассматривать как криминалистически значимую информацию, воспринятую и запечатленную человеком в виде мысленных образов, и которая может быть им воспроизведена в вербальной или иной форме либо извлечена из его памяти средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве.

Другими отличительными особенностями идеальных следов являются²:

- высокая подверженность идеальных следов воздействию субъективных факторов;
- то обстоятельство, что человек воспринимает информацию с помощью органов чувств;
- при формировании идеальных следов информация предстает в виде мысленных образов;
- информация может быть извлечена из памяти человека средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве (в том числе путем допроса, предъявления для опознания, полиграфа).

Преступления, совершенные с использованием компьютерных устройств, неизменно связаны с образованием следов в программной сфере этих устройств. Данные следы в силу своей природы не обладают всей совокупностью характерных особенностей «традиционных» материальных или идеальных следов. Невозможность отнесения данных следов к идеальным очевидна, поскольку носителем идеальных следов может быть только человек. Соответственно, информация предстает не в виде образов или воспоминаний, а в виде двоичного кода, фиксируемого на материальном носителе того или иного вида. Кроме того, такая особенность, как подверженность воздействию субъективных факторов, тоже не может быть отнесена к электронным следам, поскольку воздействие таких факторов возможно исключительно на мыслящий объект. Следовательно, компьютер или иное техническое устройство исключают субъективные факторы воздействия. Тем не менее возникает необходимость в средствах воспроизведения для получения информации из электронных следов. Как необходимо воспроизведение мыслей и образов человеком в вербальной или иных формах, так и воспроизведение электронных следов требует техниче-

¹ См.: Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2005. С. 20.

² См.: Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2005. С. 21.

ских устройств, которыми могут являться как сами носители, так и устройства считывания. Непосредственное изучение электронных следов не представляется возможным.

Следует отметить, что в криминалистической науке мнения ученых по вопросу соотношения электронных и материальных следов неоднозначны: с одной стороны, такие следы определяются как вид материальных следов, с другой – выдвигаются предположения о необходимости выделения данных следов в отдельный вид, который может быть назван как «виртуальные следы», «цифровые следы», «электронные следы», «компьютерные следы», «компьютерно-технические следы», или «бинарные следы».

Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что наиболее оправданным для обозначения подобного рода следов нам представляется использование термина «электронные следы», подразумевая под ними результат отражения «совершения любых действий (включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления) в информационном пространстве компьютерных и иных цифровых устройств, их систем и сетей»¹.

«Невидимость» как характеристика электронных следов является неоспоримой, но возникает вопрос о возможности отнесения таких невидимых следов к материальным невидимым следам.

В научной литературе встречается мнение о целесообразности отнесения электронных следов к следам-отображениям. По мнению сторонников такой точки зрения к данному виду следов следует отнести электромагнитные сигналы, файлы, компьютерные программы, базы данных, электронные сообщения, электронные документы, электронные страницы в сети ЭВМ (компьютерной сети), сайты в сети Интернет².

Однако, обращаясь к понятию следов-отображений как следов контакта двух объектов, в результате которого особенности строения одного объекта отображаются на другом, мы сталкиваемся с существенной проблемой определения даже абстрактно «контактирующих» объектов. В связи с этим вполне закономерен вопрос: отображением чего будут являться такие следы? Если цифровые видео или аудиозаписи можно считать отображением записанной динамической визуальной или звуковой картины, то в случае с сай-

¹ Смущкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8 (934). С. 43.

² См., например: Сукманов А.О. Сущность, понятие и виды электронно-цифровых следов, используемых в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4. С. 105.

тами, папками весьма затруднительно определить отображаемый объект. Такие объекты не отображают особенности пользователя, устройства ввода, системы, другой программы, но, тем не менее, выступают источником криминалистически значимой информации сами по себе, в силу собственных особенностей. Кроме того, такие следы в соответствии с классификацией могут быть двухмерными и трехмерными. В таком случае, к какому виду можно отнести электронные следы, если воспринимать их не через призму устройства, их дешифровывающего, или даже не через двоичный код, а в соответствии с их материальной сущностью как электромагнитные сигналы и поля? Они не обладают длиной, шириной, глубиной (высотой) в понимании традиционной криминалистики. Такие параметры к ним неприменимы.

Спорность отнесения электронных следов к материальным нам также видится и в том, что если воспринимать электромагнитные сигналы и импульсы, действительно обладающие материальными свойствами, как изменения в материальной среде, то возникает парадоксальная ситуация, поскольку в таком случае на данном уровне любой идеальный (мысленный) образ или процесс с точки зрения естественной науки представляет собой совокупность химических и электрических потенциалов в определенных участках головного мозга человека, которые можно наблюдать, но на данный момент невозможно расшифровать с помощью таких устройств, как томографы, энцефалографы и т.п. Следовательно, при подобном подходе на микроуровне идеальные следы тоже становятся аналогичны материальным, так как в разных науках одни и те же явления могут рассматриваться по-разному. В связи с этим отметим, что включение в систему классификации сначала идеальных, а теперь и электронных следов ни в коей мере не отрицает базовые принципы материалистической диалектики¹.

Сторонники отнесения электронных следов к подвиду материальных также ссылаются на невозможность существования таких следов вне материального носителя, и, следовательно, по их мнению, такие следы представляют собой особую форму следов-отображений, а конкретно – отображений, зафиксированных на электронных цифровых носителях². Однако при таком подходе про-

¹ См.: Мещеряков В.А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 267.

² См.: Жердев П.А. Электронно-цифровые следы как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2(51). С. 97.

исходит смещение значения данного понятия на его материальный носитель и возникает вопрос: что будет являться материальным носителем следов, находящихся в «облачных» хранилищах¹?

Разумеется, любая информация в электронных сетях в конечном итоге хранится на том или ином материальном носителе, будь то компьютер или сервер, однако найти такой носитель, особенно если он находится за пределами Российской Федерации, зачастую просто невозможно. В таких случаях осуществляется дублирование необходимой информации на подходящий материальный носитель, при том, что дубликат будет полностью соответствовать оригиналу. Это невозможно сделать в отношении материальных следов, их можно перенести, но не создать копию, что является принципиальным отличием материальных следов от электронных. Необходимо также учитывать то, что изучение материальных следов основывается на механических, физических и(или) химических свойствах, в то время как сами понятия «механические, физические и(или) химические свойства» не могут быть применены к собственно электронным следам, а только лишь к материальным их носителям, которые не являются источником криминалистически значимой информации, если, разумеется, сами не относятся к материальным следам-предметам.

Объективный характер электронных следов, в понимании следов материальных, также отличен, поскольку в них существует доля субъективной природы. Данные следы зависят от способов считывания, а также не имеют жесткой связи с устройством, осуществившим запись информации. Указанное обстоятельство обуславливает то, что такая информация проще поддается фальсификации или повреждению вследствие ошибок считывания или записи, переформатирования.

В частности, при изменении системного времени устройства, время, регистрируемое файлами при их создании или изменении, будет соответствовать не реальному времени, а тому, которое указано в системе и было изменено. Поэтому при определении временных характеристик цифрового объекта необходимо учитывать возможность изменения пользователем системного времени компьютерного устройства², что может привести к сложностям в определении временных характеристик исследуемой компьютерной информации.

¹ Облачное хранилище – место на удаленных серверах, которое выделяется пользователю для хранения его информации и доступа к ней в любое время и с любого устройства.

² Григорьев А.Н., Мешков В.М. Получение информации о времени при работе с электронными следами // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(48). С. 10.

Исходя из отмеченного, электронные следы представляется необходимым выделять как новый вид следов, наравне с материальными и идеальными следами. При этом полагаем возможным согласиться с мнением Е.С. Шевченко о том, что электронный след может состоять из большого количества отдельных информационных элементов, которые могут быть записаны как на одном, так и на нескольких физических носителях цифровой информации, подключенных как к одному, так и нескольким компьютерам (компьютерным устройствам), объединенным в вычислительную сеть¹.

В качестве особенностей электронных следов, значимых с криминалистической точки зрения, можно выделить следующие²:

- они являются отражением события преступления в информационном поле;

- не отражают механические, физические или химические свойства следообразующего объекта, хотя и материальны по своей природе;

- являются результатом преобразования компьютерной информации;

- являются носителями свойств, присущих компьютерной информации: быстрая обработка; легкая уничтожаемость и изменяемость; отсутствие между ней и лицом, которому она принадлежит, жесткой связи; возможность нахождения лишь на электронном носителе, в самом компьютере, их системе или сети; возможность оставления (создания), а также обнаружения только с помощью компьютера при наличии соответствующих периферийных устройств; легкость передачи по телекоммуникационным каналам связи;

- могут быть продублированы, то есть перенесены (скопированы) на другие носители информации без какого-либо изменения их характеристик.

В процессе работы со средством компьютерной техники злоумышленник неизбежно совершает различные действия, следы которых распределяются по множеству объектов, не связанных с его местоположением. Такими объектами могут выступать: персональная страница злоумышленника в социальной сети, страница группы, в которую входит злоумышленник, система провайдера интернет-соединения и др.³

¹ Шевченко Е.С. О криминалистической трактовке понятия «киберпреступность» // Информационное право. 2014. № 3. С. 31.

² См.: Гаврилин Ю.В., Шипилов В.В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013. № 23. С. 4.

³ См.: Курбенков В.А., Ушкань А.В. Некоторые аспекты выявления информационных следов преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий // Научный альманах. 2019. № 1-1 (51). С. 80-83.

Разумеется, осуществляемое в процессе совершения преступления взаимодействие злоумышленника со средством компьютерной техники неизбежно приводит к возникновению как материальных следов физического контакта, так и следов действий внутри системы используемого устройства. Вместе с тем, как известно, современный уровень развития информационных технологий делает возможным доступ к сети Интернет не только со стационарных компьютеров, но и с мобильных устройств (смартфонов, планшетов, нетбуков и т.д.). Соответственно, это делает возможным совершение преступления экстремистской направленности в любой точке, вплоть до размещения материалов экстремистского содержания с использованием смартфона во время поездки в общественном транспорте.

Отмеченное выше обуславливает то обстоятельство, что типичное место совершения преступления в его материальном смысле теряет свое значение. В данном случае целесообразно говорить о месте совершения преступления в пространстве сети Интернет. Если ограничить область сети Интернет до конкретной социальной сети, то «местом» будет являться социальная сеть «ВКонтакте», как наиболее часто используемая в экстремистской деятельности.

Так, 6 марта 2017 года Октябрьский районный суд г. Томска приговорил подсудимого признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. Как было установлено в ходе судебного разбирательства, гр. Л. публично с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет совершил действия, направленные на возбуждение вражды и унижение достоинства группы лиц по признаку расы и национальности. На своей личной страничке в сети Интернет он разместил видеозаписи, содержащие призывы к совершению враждебных насильственных действий в отношении групп людей, объединенных по признакам расы и национальности, а именно: «Смерть чеченским террористам», «Скин цемит мусора!», «Максим Базылев о Сопротивлении», «Формат 18-«избили» чурок», «WHITE POWER SKINHEADS !!! 1488 скины мочат чурок и антифа))), «NS/WP Умоляющий чурка», «Выкинуть чурок», «Дэвид Лэйн – Открытое письмо к мертвой расе», «НС БТО», «Скинхеды»¹.

Публично направленный характер рассматриваемых преступлений исключает механизм сокрытия самого преступления. В данном случае необходимо рассматривать механизм сокрытия сведений о личности самого злоумышленника, поскольку одной из особенностей действий в виртуальном пространстве является имен-

¹ См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 06.03.2017 по делу № 1-151/2017 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

но их последовательность, сопряженная с обезличенностью и анонимностью.

Наиболее простым способом сокрытия сведений о личности в социальной сети является использование псевдонимов, сопряженное с публикацией не соответствующих действительности данных о себе или не публикацией данных вообще. Вместе с тем необходимо указать, что нередко публикации с использованием личных аккаунтов, без использования псевдонимов, что в большей степени характерно для лиц, не состоящих в экстремистских группах, совершающих преступление в одиночку.

Иным распространенным способом сокрытия личности, применяемым наряду с использованием псевдонимов, является сокрытие IP-адреса, которое может осуществляться путем использования: прокси-серверов, анонимайзеров, VPN-подключений и т.д.

Также можно отметить и такую технологию обеспечения анонимности в социальной сети, как использование виртуальных номеров. Суть данной технологии заключается в том, чтобы использовать не свои реальные, а виртуальные телефонные номера, необходимые для создания аккаунта в социальной сети. Если для получения реального телефонного номера требуется предъявить документ, удостоверяющий личность, то для получения виртуального номера достаточно просто зарегистрироваться на сайте, предлагающем данную услугу¹.

Существенной особенностью преступлений экстремистской направленности в пространстве социальных сетей является проблема определения личности потерпевшего. Распространяемые в социальных сетях экстремистские материалы носят, как правило, обезличенный характер, направленный не на конкретного человека, а на расу, этнос, национальность или конфессию, что в принципе исключает возможность виктимологического исследования.

Таким образом, преступления экстремистской направленности, совершаемые в пространстве социальных сетей, характеризуется следующими признаками:

1. Такие преступления совершаются, как правило, мужчинами в возрасте до 30 лет, имеющими среднее образование и как минимум базовые навыки работы с компьютером.

2. Преступления совершаются, как правило, участниками экстремистских сообществ либо лицами, исповедующими экстремистскую идеологию.

¹ См., напр.: Как создать ВК без номера телефона в 2020? Регистрация Вконтакте. – URL: <https://onlinesim.ru/instructions/registratsiya-vkontakte-kak-ne-oshibitsya>.

3. Мотивом подобного рода преступлений является ксенофобия, целью – пропаганда идей экстремизма, призыв к насильственным действиям в отношении определенных социальных групп.

4. Отсутствуют свидетели непосредственных действий злоумышленника.

5. Публичный и, как правило, обезличенный характер экстремистских материалов исключает возможность исследования личности потерпевшего.

6. Объективная сторона рассматриваемой категории преступлений находит свою реализацию в киберпространстве, из-за чего существует проблема определения «места» совершения преступления. В пространстве сети Интернет местом совершения преступления, как правило, является социальная сеть «ВКонтакте».

7. Материальная обстановка места совершения преступления не претерпевает изменений, что сказывается на возможности использования материальных следов и обуславливает необходимость использования электронных следов.

8. Виртуальная среда совершения подобного рода преступлений предоставляет злоумышленникам богатый набор возможностей для обеспечения анонимности и сокрытия следов преступления.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием социальных сетей, позволяет определить направление начальных мероприятий по расследованию таких преступлений, выступая в качестве первичной основы методики расследования преступления, используемой в ориентировочных целях как в рамках доследственной проверки по преступлениям экстремистской направленности, так и непосредственно расследования.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

2.1. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей

Своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела является одним из ключевых условий соблюдения принципа законности в уголовном процессе¹. Уголовно-процессуальным законодательством установлено, что в каждом случае обнаружения преступления руководитель следственного органа, следователь, дознаватель или орган дознания в пределах своей компетенции обязаны возбудить уголовное дело, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления (ст. 144 УПК РФ).

Сущность подобного требования уголовно-процессуального закона заключается прежде всего в необходимости уменьшить временной промежуток между фактом совершения преступления и возбуждением уголовного дела. Необходимость этого обусловлена главным образом тем, что материальные следы, образовавшиеся в результате преступных действий, могут быть утрачены по прошествии времени в результате воздействия погоды, непосредственно самого злоумышленника, а также лиц, не имеющих намерение уничтожить следы, но при этом не замечающих сами следы либо не определяющих объекты в качестве следов и, следовательно, действующих без умысла. Идеальные следы с течением времени имеют свойство сглаживаться в памяти очевидцев, что в дальнейшем препятствует либо исключает их использование в расследовании.

Другим фактором, связанным с временем между событием преступления и возбуждением уголовного дела, является возможность преступника скрыться, подготовить себе ложное алиби, избавиться от орудий преступления либо предметов, полученных в результате совершения преступления.

Длительный временной промежуток между преступлением и возбуждением уголовного дела имеет негативное влияние на общую и частную превенцию, поскольку лицо, совершившее преступление, сохраняет возможность осуществлять преступную деятель-

¹ См.: Копылова О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010. С. 6.

ность в дальнейшем, а безнаказанность преступления выступает для других стимулом действовать подобным образом.

В случае с преступлениями рассматриваемой категории необходимо обратить внимание на то, что у злоумышленника имеется возможность избавиться от устройства – средства совершения преступления, покинуть страну, предпринять меры по сокрытию собственного отношения к размещенным экстремистским материалам, удалив оригинал, распространенный в сети. Вместе с тем, поскольку для преступлений в сети Интернет характерно в большей степени наличие электронных следов, важно отметить, что по прошествии времени у провайдера интернет-связи может быть утрачена информация о подключениях, IP-адресах, использованных злоумышленником, а аккаунт, разместивший экстремистские материалы в сети, – удален, равно как и кэш, позволявший увидеть информацию удаленного аккаунта.

Обнаружение преступлений экстремистской направленности в пространстве социальных сетей происходит, как правило, в результате¹:

1) проведения целевого мониторинга социальных сетей на предмет наличия материалов экстремистской направленности;

2) получения информации о преступлении от лиц, оказывающих правоохранительным органам содействие на основе конфиденциальности (конфидентов);

3) получения информации в ходе проведения субъектами оперативно-разыскной деятельности оперативно-разыскных мероприятий;

4) получения информации в ходе расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных без использования компьютерных устройств и выхода в сеть Интернет;

5) поступления в правоохранительные органы заявлений от физических и юридических лиц, представителей общественных организаций, депутатских запросов, а также обращений средств массовой информации;

6) расследования преступлений общеуголовной направленности, не связанных с экстремистской деятельностью.

В подавляющем большинстве случаев дела по преступлениям экстремистской направленности возбуждаются на основе результатов оперативно-разыскной деятельности, и в дальнейшем их

¹ См.: Давыдов В.О. О некоторых аспектах обнаружения признаков преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, и принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9(46). С. 2009.

расследование осуществляется при активном оперативном сопровождении¹. В связи с этим от качества результатов оперативно-разыскной деятельности зависит как законное и обоснованное возбуждение уголовного дела о преступлениях указанного вида, так и успешное решение задач предварительного расследования.

Работу подразделений, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в стадии возбуждения уголовного дела можно рассматривать как взаимосвязанную последовательность прохождения трех этапов: 1) выявление признаков преступления; 2) проверка полученной на предыдущем этапе информации; 3) оценка результатов проверки и принятие решения о представлении этих результатов следователю. Важно отметить, что на последнем этапе может быть принято решение о недостаточности данных, указывающих на признаки преступления, вследствие чего принимается решение о возвращении к предыдущему этапу деятельности оперативно-разыскных подразделений.

При проведении мониторинга сети Интернет и социальных сетей, в частности, целесообразно в качестве приоритетных областей проверок выбирать популярные сообщества, созданные по региональному принципу, группы региональных новостных агентств в социальных сетях, а также персональные страницы пользователей, где место проживания указано в личных данных либо регион проживания может быть установлен по фотографиям. Необходимо отметить, что в случае если пользователь аккаунта ограничил доступ к своей странице, то ее дальнейший мониторинг не представляет оперативного интереса, поскольку факт закрытия альбомов, стены свидетельствует об отсутствии признака публичности, образующего объективную сторону экстремистского преступления. Тем не менее в отношении закрытых сообществ признак публичности², как расчет на последующее ознакомление с информацией других лиц, соблюдается, поскольку информация в группе направлена на ознакомление с ней определенного круга лиц, что удовлетворяет критериям публичности.

Для осуществления мониторинга сети Интернет могут быть использованы прежде всего возможности существующих поиско-

¹ См.: Сумин А.А., Саморока В.А., Бекетов М.Ю. Практика расследования по уголовным делам экстремистской направленности: аналитический обзор / под общ. ред. д-ра юрид. наук А.А. Сумина. М.: Московский университет МВД России. 2013. С. 25.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 20.09.2018) // СПС «КонсультантПлюс»

вых систем. Эти поисковые системы имеют в своем составе специальную программу – так называемый поисковый робот, который осуществляет непрерывный мониторинг сети Интернет, индексируя размещенные в сети информационные материалы и формируя их поисковый обзор в своей базе данных.

К наиболее популярным русскоязычным поисковым системам относятся¹:

1. Yandex – 61,6%;
2. Google – 26,3%;
3. Mail.ru – 8,6%;
4. Rambler – 1,3%.

При использовании поисковых систем для выявления материалов экстремистского характера поиск целесообразно проводить по хэштэгам и ключевым словам, например: «скинхеды», «русский марш» и т.д. При этом поиск следует осуществлять не только по тексту, но и по другим типам информации (видео-, аудио-), лицам, сообществам.

Однако, используя в этих целях возможности общедоступных поисковых систем, важно помнить, что поиск осуществляется не в реальном информационном пространстве сети Интернет, а по базе данных поисковой системы, содержащей образы документов. Так как информационное измерение сети Интернет весьма динамично, вполне может оказаться так, что результаты поиска, осуществляемого с помощью поисковой системы, не в полной мере будут соответствовать действительному содержанию сети Интернет на момент проведения поиска.

Поскольку с содержательной точки зрения сеть Интернет представляет собой особое информационное пространство (киберпространство), для осуществления эффективного поиска в нем криминалистически значимой информации о преступлениях экстремистского характера полагаем необходимым использование агентов по аналогии с практикой противодействия традиционной преступности. Вместе с тем вполне очевидно, что такой агент будет носить виртуальный характер; его характер и особенности будут определяться спецификой информационной среды, в которой он будет задействован. Такой подход позволяет сотруднику правоохранительных органов самому выступать в качестве агента, исключая посредника в получении информации, минимизируя возможность искажения, утечки или фальсификации информации.

¹ См.: Поисковые системы России и лидирующие поисковики Интернета. – URL: <https://ktonanovenkogo.ru/web-obzory/poiskovyie-sistemy-rossii-poiskoviki-interneta.html>.

«Виртуальный агент» выступает в качестве условного названия аккаунта, который может быть использован сотрудниками оперативных подразделений для внедрения в виртуальную среду и преодоления настроек приватности закрытых экстремистских и проэкстремистских групп, движений и организаций¹. «Виртуальный агент» позволяет без посредников получить информацию по вербовке, планируемыми акциям экстремистского толка, кругу лиц, причастных к деятельности организации, выходить на контакт с пользователями закрытых экстремистских сообществ.

При создании «виртуального агента» необходимо выбрать социальные сети, форумы и иные интернет-ресурсы, используемые лицами, причисляющими себя к проэкстремистским движениям, организациям и субкультурам. Наиболее часто данной категорией лиц используются социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой Мир», создаются закрытые группы общения и переписки на интернет-ресурсе Skype, мессенджерах Viber и WhatsApp, различные тематические форумы, а также интернет-ресурсы, ориентированные на определенный регион. «Виртуальный агент» должен быть ориентирован на ту среду, в которую планируется его внедрение. При подборе контента для наполнения аккаунта должен использоваться фото-, аудио-, видеоматериал, который соответствует понятиям, пользуется популярностью и характерен для использования в той или иной экстремистской среде.

Так, при создании «виртуального агента» лица, причисляющего себя к националистической среде, необходимо подобрать фотографии лица славянской внешности, спортивного телосложения. Желательно, чтобы фотографий было несколько и по ним невозможно было определить место фотосъемки, также должна соответствовать принятой и модной в националистической среде одежда².

«Виртуальные агенты», находясь в закрытых сообществах, обладают свободным доступом к внутренней переписке, к создаваемым «встречам», принимают рассылку о предстоящих мероприятиях. Наиболее важно, что в адрес этих конфидентов могут поступить предложения от радикально настроенных лиц о совершении акций экстремистского и террористического толка.

¹ См.: Мешалкин С.Н., Горностаева И.В., Федоткин А.И. Выявление, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. С. 26.

² Мешалкин С.Н., Горностаева И.В., Федоткин А.И. Выявление, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. С. 26.

Использование глобальной сети Интернет как площадки для размещения экстремистских материалов влечет за собой необходимость мониторинга колоссальных объемов информации, требует привлечения современных технологий и в оперативную деятельность, в том числе обуславливает необходимость использования компьютерных устройств и программных систем для автоматизации поиска таких материалов.

Следует отметить, что понимание необходимости наличия подобного рода систем осознается на государственном уровне. Так, еще в 2017 году на парламентских слушаниях в Совете Федерации Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзору) было рекомендовано создать программу по выявлению материалов противоправного характера: «Участниками парламентских слушаний рекомендуется Роскомнадзору: обеспечить создание программного продукта, позволяющего осуществлять повседневный мониторинг интернет-пространства с целью выявления материалов противоправной, в том числе террористической, экстремистской суицидальной и иной асоциальной направленности»¹.

В настоящее время можно выделить целый ряд подобного рода систем, которые могут быть использованы для решения задач выявления материалов экстремистского содержания в пространстве социальных сетей.

В качестве примера следует отметить аппаратно-программный комплекс «Фоб», разработанный по заявке Экспертно-криминалистического центра МВД России. Данный комплекс, впервые представленный на XX международной выставке средств обеспечения безопасности «Интерполитех-2016» в Москве, состоит из компьютера с периферийным оборудованием и устройством ввода-вывода. Программное обеспечение включает в себя, в том числе, информационно-поисковую систему, предназначенную для поиска экстремистских материалов. Комплекс позволяет исследовать материалы, содержащие текстовые сообщения, а также изображения, видеоряд, звук, в том числе и в сочетании. Система может находить дубликаты ранее исследованных изображений, узнавать и отождествлять использованные символы, проводить проверку по стоп-кадрам. Система оборудована средствами распознавания текста в изображении или видеозаписи².

¹ В СФ предлагают Роскомнадзору создать программу мониторинга интернета для выявления экстремизма. — URL: <https://news.rambler.ru/internet/37033461>.

² МВД России создало робота для проверки публикаций на экстремизм. — URL: <https://ria.ru/society/20161018/1479503249.html>.

Возможности автоматизированной проверки больших объемов информации в сети Интернет уже были продемонстрированы на практике.

Так, программный комплекс «Демон Лапласа», разработанный НКО «Центр исследования легитимности и политического протеста», использовался для поиска и обнаружения экстремистских материалов в пространстве социальных сетей для дальнейшего направления обнаруженных материалов в правоохранительные органы для решения вопроса о привлечении к ответственности. Комплекс состоит из более 20 объединенных программ, предназначенных для прогнозирования протестных акций, межнациональных конфликтов, фиксации состояния межэтнических и межконфессиональных отношений, а также для поиска экстремистских материалов в сети Интернет¹.

Помимо рассмотренных следует отметить и поисковую систему «СЕУС», разработанную компанией «СЕУСЛАБ» (г. Пермь) и достаточно широко применяющуюся в служебной деятельности органов внутренних дел.

Как отмечается на сайте компании-разработчика, компьютерная программа Поисковая система «СЕУС» предоставляет пользователям следующие функциональные возможности:

- полнотекстовый поиск и мониторинг информации без дополнительной настройки со стороны оператора с получением результата в течение 3 минут;
- набор фильтров для поиска информации и несколько видов мониторинга пространства социальной сети при помощи лингвистических словарей;
- поддержка различных языков поиска и мониторинга информации, включая арабский;
- полное географическое покрытие информационного пространства социальной сети на территории РФ, включая деревни и села;
- поиск профилей пользователей по различным параметрам, в том числе неполным данным;
- экспорт информации в привычные офисные форматы и визуализация результатов работы на нескольких видах административных карт территорий регионов страны;
- коллекции контента².

¹ См.: Демон Лапласа. Противодействие экстремизму. – URL: <http://protestonline.ru/page617468.html>.

² См.: СЕУСЛАБ. Поисковая система «СЕУС». – URL: <https://www.seuslab.ru/seus>.

Возможные направления использования Поисковой системы «СЕУС» в правоохранительной деятельности:

- экстремистские материалы;
- порнография;
- оружие и изготовление СВУ;
- ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ)

и вербовка граждан;

- радикальный ислам;
- межнациональные и межконфессиональные отношения;
- организация и финансирование терроризма;
- наркотические вещества.

Использование аппаратно-программных средств позволяет в значительной степени облегчить мониторинг сети Интернет на предмет наличия материалов экстремистского содержания. Однако при этом следует учитывать необходимость соблюдения прав человека и гражданина при внедрении таких средств, в частности, права на уважение частной и семейной жизни¹.

Так, *Европейский суд по правам человека в деле «Роман Захаров против России» вынес единогласное решение о том, что Система технических средств для обеспечения функций оперативно-разыскных мероприятий (СОРМ) не удовлетворяет требованию о наличии «эффективных и адекватных гарантий против риска превышения полномочий и произвола, присущих каждой системе скрытого наблюдения, которые наиболее высоки в системе, предоставляющей специальным службам и правоохранительным органам прямой доступ с использованием специальных аппаратных средств к любому сообщению на мобильном телефоне»².*

В ходе доследственной проверки устанавливаются содержание и назначение информации, размещенной в сети Интернет, возможность признания ее экстремистской, использованные злоумышленником при совершении преступления экстремистской направленности технические средства, принадлежность IP-адресов и доменных имен, устанавливается связь между использованными

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 47143/06 «Роман Захаров против России» (вынесено и вступило в силу 4 декабря 2015 г.). – URL: <http://europeancourt.ru/tag/roman-zaxarov-protiv-rossii/20161018/1479503249.html>.

IP-адресами и аккаунтом, с которого осуществлялось размещение экстремистских материалов.

При проведении доследственной проверки оперативно-разыскными подразделениями в следственные органы должны предоставляться сведения¹:

1. где, когда, какие признаки и какого преступления обнаружены;
2. при каких обстоятельствах имело место их обнаружение;
3. о лице либо лицах, совершивших преступление экстремистской направленности;
4. о свидетелях и очевидцах данного преступления;
5. о местонахождении предметов и документов, имеющих значение для дела.

При этом одной из важнейших задач проведения доследственной проверки является определение характера размещенной в социальной сети информации. Это представляется крайне важным, особенно в случае, если имеет место использование не жесткого языка вражды, а среднего или мягкого языка, и зависит от результатов применения специальных знаний в виде лингвистической или комплексной лингвистической экспертизы с привлечением экспертов соответствующего профиля: психологов, историков или религиоведов.

Таким образом, следует констатировать, что стадия возбуждения уголовного дела — самостоятельный и чрезвычайно значимый этап расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей. По сути, именно на этой стадии закладывается база для дальнейшего эффективного расследования рассматриваемой категории преступлений.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела, связанного с экстремизмом, следователь должен тщательно ознакомиться со всеми имеющимися оперативными материалами. При этом необходимо выделить ту часть оперативных материалов, которые могут быть использованы в качестве доказательств по делу.

Анализ следственной практики позволяет сделать вывод о том, что при расследовании преступлений экстремистской направленности в пространстве социальных сетей могут складываться следующие типичные ситуации²:

¹ См.: Валеев А.Х. Расследование преступлений, связанных с экстремистской деятельностью: учебное пособие / А.Х. Валеев, А.Н. Данилко, А.В. Кудрявцев, В.Б. Поезжалов. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. С. 10.

² Валеев А.Х. Расследование преступлений, связанных с экстремистской деятельностью: учебное пособие / А.Х. Валеев, А.Н. Данилко, А.В. Кудрявцев, В.Б. Поезжалов. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. С. 12.

1) установлен факт совершения преступления экстремистской направленности в сети Интернет, субъект проверки располагает информацией о личности преступника (при публикации с личного аккаунта, без использования средств сокрытия);

2) установлен факт совершения преступления экстремистской направленности в сети Интернет, но субъект проверки не располагает информацией о личности преступника (при публикации с использованием псевдонима и использовании средств сокрытия IP-адреса);

3) установлен факт совершения преступления экстремистской направленности в сети Интернет, но субъект проверки не располагает информацией ни о личности преступника, ни о способе совершения преступления.

В каждой из этих ситуаций следователь выполняет те следственные действия, которые позволяют получить наиболее полную криминалистически значимую информацию о расследуемом событии. Таким образом, результаты расследования преступлений экстремистской направленности находятся в прямой зависимости от качества и полноты следственных действий, проводимых по уголовному делу. Рассмотрим особенности тактики некоторых наиболее актуальных следственных действий, проводимых при расследовании данного вида преступлений.

2.2. Организационно-тактические особенности проведения отдельных следственных действий в ходе расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей

Познание происшедшего события в уголовном судопроизводстве происходит опосредованным путем. Средством такого познания являются доказательства. Форма доказательств находится в тесной взаимосвязи с их содержанием и устанавливается путем определения круга источников доказательств. В контексте рассматриваемого вопроса следует оговориться, что в научной и учебной литературе термины «источники доказательств», «средства доказывания» и «виды доказательств» используются как равнозначные¹.

Источники доказывания, которые являются собственно средствами доказывания, в уголовном судопроизводстве исчерпывающим образом перечислены в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. К ним относятся:

¹ См.: Шаталов А.С. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учебно-методическое пособие. - Изд. 2-е, стер. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 20-27.

показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения и показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Это означает, что сведения, полученные из любого другого источника, доказательствами не признаются, даже если имеют значение для дела.

Основной и самый распространенный способ собирания доказательств по делам о преступлениях экстремистской направленности — производство следственных действий. Результаты расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей, находятся в прямой зависимости от качества и полноты следственных действий, проводимых по уголовному делу. Рассмотрим особенности тактики некоторых наиболее актуальных следственных и иных процессуальных действий, проводимых при расследовании данного вида преступлений.

Прежде всего отметим, что электронная среда как место совершения рассматриваемого вида преступлений в значительной степени определяет специфику расследования таких преступлений, поскольку наряду с традиционными доказательствами, возникает необходимость получения информации из сети Интернет и социальных сетей, в частности. Кроме того, нередко достаточно сложно провести границу между выражением права на свободу мысли и слова и завуалированным экстремизмом, что, как правило, определяется при помощи лингвистической (или комплексной, совместно с другими отраслями знаний) судебной экспертизы.

Так, *постановлением Исакогорского районного суда г. Архангельска от 22.08.2016 № 1-102/2016 уголовное дело в отношении подсудимого, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 280 УК РФ, возвращено прокурору г. Архангельска для устранения препятствий его рассмотрения судом, заключающихся в том, что в обвинении не было приведено конкретное содержание высказываний подсудимого, не было раскрыто их содержание иным образом, то есть не описан способ и другие обстоятельства совершения деяния*¹.

Расследование любого преступления осуществляется по следующей схеме информационно-аналитической деятельности субъекта расследования²:

¹ См.: Постановление Исакогорского районного суд г. Архангельска от 22.08.2016 № 1-102/2016 / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». — URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

² См.: Давыдов В.О. Исследование криминалистически значимой информации в ходе расследования экстремистских преступлений, совершенных с использованием компьютерных сетей // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4. С. 58.

- 1) поиск и получение криминалистически значимой информации;
- 2) фиксация и закрепление криминалистически значимой информации;
- 3) исследование полученной криминалистически значимой информации;
- 4) формулирование вероятного умозаключения (криминалистической версии);
- 5) проверка выдвинутой криминалистической версии;
- 6) поиск и получение новой криминалистически значимой информации;
- 7) преобразование полученной криминалистически значимой информации в целях ее автоматизированного накопления и последующего многократного использования.

Специфика работы в виртуальном пространстве в ходе информационно-аналитической деятельности субъекта расследования ярче всего проявляет себя на этапе поиска, получения, фиксации и закрепления криминалистически значимой информации. И это представляется вполне закономерным, поскольку необходимо не только зафиксировать сам факт совершения преступления в социальной сети, но и установить связи, нехарактерные для «традиционных» преступлений, такие как связи между аккаунтом, разместившим информацию, являющуюся (предположительно) экстремистской, и лицом, использующим этот аккаунт, а также получить информацию, свидетельствующую об исключении возможности обращения к данному аккаунту третьих лиц. В данной ситуации существенной сложностью может стать установление местонахождения злоумышленника, поскольку его действия не ограничены пространством, и он может находиться как в любой точке России, так и за рубежом.

Результаты изучения судебно-следственной практики по делам о преступлениях экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей, свидетельствуют о том, что наиболее распространенными следственными действиями, осуществляемыми по уголовным делам рассматриваемой категории, являются: осмотр места происшествия, допрос, обыск, а также назначение экспертиз.

Осмотр места происшествия как первоначальное следственное действие необходим во всех тех случаях, когда по обстоятельствам дела возникает предположение о том, что там могут быть обнаружены вещественные доказательства, изменения в окружающей обстановке, иные следы преступления. Как совершенно верно

отмечают Б.Г. Дондуков и С.В. Сухов: «грамотно проведенный осмотр в значительной степени определяет ход и успех дальнейшего расследования, что проявляется в выдвижении на его основе общих и частных версий происшедшего события, организации неотложных следственных и розыскных мероприятий, планировании расследования в целом. Также результаты осмотра места происшествия могут использоваться для организации и проведения параллельно выполняемых действий и мероприятий, а также для определения задач, средств их решений, направлений деятельности после данного следственного действия»¹.

Отсутствие осмотра места происшествия или низкое качество его проведения по делам о преступлениях экстремистской направленности не только усложняет процесс доказывания, но и в определенных случаях делает его практических невозможным. Данное утверждение в полной мере справедливо в отношении расследования преступлений экстремистской направленности, предусмотренных п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ, ч. 2 ст. 119 УК РФ.

Однако при расследовании преступлений, совершенных в пространстве сети Интернет, осмотр места происшествия в его привычном понимании иррелевантен, поскольку физически преступник находился в месте, которое на момент проверки, возбуждения уголовного дела еще не установлено, использовал неустановленное компьютерное устройство. Кроме того, само значение местонахождения злоумышленника не имеет такого значения, как при расследовании насильственных преступлений экстремистской направленности.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации предусмотрен осмотр не только места происшествия, но и местности, жилища, а также любого иного помещения, если это удовлетворяет целям обнаружения следов совершенного преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 176 УПК РФ). Так, осмотр жилища подозреваемого (обвиняемого) позволяет получить информацию о его отношении к экстремистской организации или сообществу, наличии специальных технических средств для работы в сети Интернет, и иную информацию, имеющую значение для уголовного дела. Однако в отличие от осмотра места про-

¹ Дондуков Б.Г., Сухов С.В. Особенности осмотра места происшествия по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник ВСГТУ. 2011. № 2(33). С. 36.

исшествия данные осмотры могут быть произведены только после возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176 УПК РФ).

Несомненный интерес для расследования преступлений данной категории может иметь осмотр непосредственно интернет-страницы, оформляемый протоколом, что характерно для нотариальной практики¹. Такой осмотр может выступать в качестве отправной точки проведения расследования, доказательством события преступления. Однако уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена возможность осмотра объектов, находящихся в пространстве глобальной сети Интернет, в результате чего судебная практика в разных регионах разнится.

С одной стороны, есть полное отрицание возможности проведения следственного осмотра объектов сети Интернет, поскольку такие объекты не удовлетворяют как определению места или иного помещения, будучи программным кодом, так и предмета или документа, поскольку уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена их обязательная упаковка, что не применимо к интернет-странице.

Так, в приговоре Курского гарнизонного военного суда от 18 января 2012 года № 3-2012 в числе доказательств обозначается протокол обследования помещения (предметов, документов) от 1 июля 2011 года, в котором указывается, что на персональной странице осужденного в социальной сети «ВКонтакте» были размещены две видеозаписи экстремистского содержания: «Русский, очнись! Против тебя идет война!» и «Ой скинхед». В качестве следственного действия выступил осмотр предмета, в ходе которого был осмотрен оптический диск, на который были скопированы видеозаписи со страницы осужденного. Таким образом, не имея возможности провести осмотр непосредственно страницы, следователем был проведен осмотр предмета как типовое следственное действие².

Другим вариантом использования в доказывании по уголовному делу информации, размещенной на странице в социальной сети, является проведение осмотра предмета, содержащего копию страницы из социальной сети.

Так, в приговоре Ленинского районного суда г. Чебоксары от 12 сентября 2011 года в числе доказательств обозначается протокол осмотра предметов и документов, согласно которому в ходе осмотра оптического

¹ См.: Бегичев А.В. Использование протоколов осмотров интернет-сайтов в судебной практике // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 209.

² См.: Приговор Курского гарнизонного военного суда от 18.01.2012 по делу № 3-2012 / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

носителя информации DVD-RMIREX 4,7 G, записанного в ходе просмотра персональной страницы осужденного в социальной сети «ВКонтакте», были обнаружены материалы экстремистского характера¹.

С другой стороны, в практике встречаются примеры осмотра интернет-страницы в рамках проведения такого следственного действия как осмотр места происшествия, а также осмотр предметов или документов.

Так, в приговоре Новоржевского районного суда Псковской области от 27 мая 2015 года № 1-12/2015 в числе доказательств приводится протокол осмотра места происшествия, в котором указывается, что на персональной странице осужденного в социальной сети «ВКонтакте» были обнаружены две видеозаписи и две аудиозаписи экстремистского характера².

Мы полагаем целесообразным проведение осмотра интернет-страницы или сайта в рамках осмотра места происшествия, в ходе которого в присутствии понятых, желательно, с использованием записи-захвата «рабочего стола», фиксирующей именно действия в программной сфере, производится осмотр интересующего объекта глобальной сети. В этом случае все осуществляемые действия необходимо отражать в протоколе осмотра с фиксацией выполняемых действий в полном объеме с отражением даты и времени, указанием в целесообразных случаях URL-страниц, IP-адресов. Как представляется, к протоколу целесообразно прилагать фототаблицу, содержащую снимки с экрана (клавиша PrintScreen), документирующие изображения и текст на осматриваемом ресурсе³.

Кроме материальных следов преступления, чрезвычайно значимыми при расследовании преступлений экстремистской направленности являются так называемые идеальные следы, то есть сведения, которые получены из показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетелей.

Различные аспекты тактики и методики производства допросов неоднократно были предметом научных исследований⁴. Сво-

¹ См.: Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 12.09.2011 по делу № 86-2011 / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

² Приговор Новоржевского районного суда Псковской области от 27.05.2015 по делу № 1-12/2015 / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

³ Васюков В.Ф., Колычева А.Н. Осмотр и фиксация страниц интернет сайта в сети Интернет // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 115-118.

⁴ См., напр.: Бертовский Л.В. Допрос. Практика и технологии. М.: Экзамен, 2015; Голунский С.А. Допрос на предварительном следствии. Ашхабад: Воен.-юрид. акад. РККА, 1942; Екимовская А.Н. Допрос с участием специ-

ообразии данного следственного действия при доказывании преступлений рассматриваемой группы заключается прежде всего в предмете допроса, в котором должны быть отражены особенности систем преступного экстремизма и конкретного преступления.

Также для установления экстремистского мотива в поведении подозреваемого или обвиняемого при проведении допроса следователь должен выяснить у них о приверженности какой-либо идеологии, мотивы, по которым они стали придерживаться этой идеологии, принадлежность их к какой-либо неформальной организации, цели, которые они преследовали, совершая то или иное преступление.

Показаниям обвиняемого справедливо придается большое значение, так как он является самым осведомленным участником преступного события. Однако в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 77 УПК РФ показания обвиняемого рассматриваются в качестве «рядовых» доказательств виновности, которыми можно обосновывать обвинение только после их подтверждения совокупностью других доказательств. Поэтому в полученных от подозреваемого (обвиняемого) показаниях имеет важное значение не столько сам факт признания вины, сколько конкретные сведения, которыми может располагать только лицо, принимавшее активное участие в преступном событии.

В ходе допроса подозреваемого, обвиняемого при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием социальных сетей, необходимо учитывать, что допрашиваемые в большинстве случаев являются убежденными сторонниками пропагандируемых идей.

Так, *приговором Окуловского районного суда Новгородской области от 12.10.2016 № 1-134/2016* было установлено, что осужденный в разделе «Видеозаписи» на странице социальной сети разместил два видеоролика в открытый доступ, а в разделе «Фотографии» разместил одну фотографию экстремистского содержания для просмотра неограниченного круга лиц, что, как установлено судом, было связано с устойчивой поддержкой экстремистских позиций и националистических взглядов¹.

алиста: монография. СПб: Алеф-Пресс, 2013; Ефимичев С.П. Допрос: учеб. пособие / С.П. Ефимичев, Н.И. Кулагин, А.Е. Ямпольский. Волгоград: ВСШ, 1978; Шайдуллина Э.Д. Допрос: вопросы теории и практики: учебно-методическое пособие. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2018.

¹ См.: Приговор Окуловского районного суда Новгородской области от 12.10.2016 по делу № 1-134/2016 / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». — URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

В зависимости от обстоятельств расследуемого преступления при допросе у подозреваемого, обвиняемого подлежат выяснению следующие обстоятельства:

- является ли допрашиваемый членом какой-либо партии, общественной организации или общественного движения либо иной группы, в том числе неформального молодежного объединения;

- если да, то когда и при каких обстоятельствах допрашиваемый вступил в обозначенную группу;

- что привлекло допрашиваемого к участию в деятельности данной группы, какие она преследует цели, какие используются средства для их достижения, какими лозунгами пользуется, кто является лидером, в чем проявляется конкретная деятельность группы;

- как были изготовлены материалы экстремистского содержания;
- с помощью какого оборудования производилось изготовление и распространение материалов экстремистского содержания;

- механизм склонения, вербовки или иного способа вовлечения лиц в совершение экстремистской деятельности;

- сведения об участниках, вступивших в экстремистскую организацию;

- сведения об источниках поступления материально-технических средств для поддержания деятельности экстремистской организации;

- мотивы совершаемых допрашиваемым действий;

- навыки обращения с компьютерной техникой;

- способ, средства, методы, логин и пароль для осуществления доступа к информационным базам, банкам данных, компьютерным сетям и веб-страницам.

Вопросы, задаваемые допрашиваемому, не должны существовать в виде жесткого списка и во многом не только зависят от следственной ситуации, но и могут меняться в соответствии с ней.

Допрос свидетелей и потерпевших в ходе расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных в пространстве сети Интернет, представляется затруднительным, поскольку объективная сторона подобного рода преступлений находит свою реализацию в киберпространстве. В этих условиях преступные действия направлены на неопределенный круг лиц, что исключает наличие конкретного потерпевшего. Уголовно-процессуальным законодательством установлено, что потерпевший – это физическое лицо, которому преступлением был причинен физический, имущественный, моральный вред. Потерпевшим может быть и юридическое лицо в ситуации, когда вред преступлением был причинен его имуществу и деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

Так, приговором Гороховецкого районного суда Владимирской области от 27 февраля 2017 года № 1-12/2017 было установлено, что осужденный, используя интернет-сайт социальной сети «ВКонтакте», разместил на своем аккаунте в блоке «видеозаписи» видеоматериал «Нет толерантности в городе Владимир! Чурки домой», открытый для свободного просмотра всеми пользователями социальной сети. Видеоматериал содержал признаки возбуждения вражды, ненависти (розни) по отношению к группам лиц «евреи», «кавказцы», «азиаты», выделенным по национальному признаку, а также признаки унижения человеческого достоинства указанных групп лиц¹.

На данном примере видно, что публичный, не персонифицированный характер публикации исключает саму возможность определения потерпевшего.

Также представляется малопродуктивным поиск и допрос свидетелей совершенного преступления рассматриваемой категории. Да, безусловно, если лицо в ходе просмотра веб-страниц увидело опубликованный материал экстремистской направленности, то оно обладает информацией о примерном времени размещения материалов, аккаунте, использованном для размещения материалов и непосредственно странице, на которой экстремистские материалы были опубликованы. Вместе с тем, оценивая роль такого свидетеля как лица, которое может сообщить важную информацию о совершенном преступлении, необходимо отметить, что информация о времени и аккаунте автора публикации будет отражена в самой публикации, что обусловлено механизмом функционирования социальной сети. В таком случае возникает вопрос о целесообразности поиска свидетелей и их последующего допроса.

Так, в приговоре Курского гарнизонного военного суда от 18 января 2012 года № 3-2012, обозначенном ранее, одним из доказательств являлись показания свидетеля, который указал в суде, что в 2011 году в социальной сети «В Контакте» на персональной странице осужденного обнаружил видеоролики, посвященные скинхедам. Свидетель запомнил содержание видеозаписей с названиями «Русский, очнись! Против тебя идёт война!», представлявшие из себя слайд-шоу с различными изображениями, надписями «Россия для русских», «Слава Руси», «русские идут», сопровождающиеся песней в стиле рок националистического характера, и видеозапись «Ой скинхед», на которой демонстрировалось избивание человека кавказской внешности, которые

¹ См.: Приговор Гороховецкого районного суда Владимирской области от 27.02.2017 по делу № 1-12/2017 / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

находились в свободном доступе для просмотра и копирования в социальной сети «ВКонтакте»¹.

При расследовании преступлений рассматриваемой категории большое значение имеют такие следственные действия, как обыск и выемка, позволяющие получить важную криминалистически значимую информацию.

При этом объектами поиска являются: литература религиозного, экстремистского содержания: газеты, листовки, брошюры, книги; различные машинные носители информации: компакт-диски, флеш-карты; копировальная и множительная техника для определения в дальнейшем способа изготовления литературы экстремистского содержания; различные инструкции по вербовке людей, по сокрытию следов преступной деятельности; сведения о членах и структуре организации; клятвы и другие атрибуты экстремистской деятельности; документы, свидетельствующие о поступлении денежных и материальных средств.

Возможны ситуации, когда при производстве обыска следователь по различным причинам (отсутствие специальных познаний, неоднозначность содержания литературы, незнание языка, на котором изложен материал и т.д.) не сможет однозначно решить, какая литература содержит призывы к осуществлению экстремистской деятельности. В этом случае такая литература подлежит изъятию для решения этого вопроса в ходе производства экспертиз. Кроме того, даже литература, не имеющая экстремистского содержания, имеет значение для уголовного дела при условии, что она отражает заинтересованность владельца этой литературы национальным, расовым, религиозным и другими вопросами.

Также при производстве обыска несомненный интерес представляют носители информации, средства компьютерной техники, использованные при совершении преступления. К таковым следует отнести: персональный компьютер, мобильный телефон, флеш-карту, внешний жесткий диск, CD/DVD/BD-диски и т.д. При обращении с такими объектами весьма значимым представляется опыт зарубежных правоохранительных органов, ранее отечественных правоохранителей столкнувшихся с преступностью в сфере высоких технологий и сети Интернет².

¹ См.: Приговор Курского гарнизонного военного суда от 18.01.2012 по делу № 3-2012 / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

² См.: U.S. Department of Justice Electronic Crime Scene Investigation: A Guide for First Responders, Second Edition. – URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/219941.pdf>.

При обнаружении таких носителей, как CD/DVD/BD-диски, внешние жесткие диски, флеш-накопители или извлеченные из компьютера HDD- или SSD-накопители, достаточно обеспечить их сохранность и невозможность стороннего доступа. Исходя из этого, обнаруженные носители не подключаются к каким-либо устройствам для их чтения, а упаковываются, опечатываются и заверяются (ч. 3 ст. 177, ч. 10 ст. 182 УПК РФ). В дальнейшем эти носители могут быть как направлены на компьютерно-техническую экспертизу, так и осмотрены следователем с участием специалиста. Такие меры предосторожности связаны в первую очередь с тем, что на носителе может находиться вредоносное программное обеспечение, требующее изучения в особых условиях. Также на носителе могут быть заданы команды по автоматическому уничтожению содержимого при попытке запустить его обычным способом; на носителе могут находиться скрытые и удаленные файлы, обнаружение которых возможно только при применении специального технического или программного оборудования специалистом или экспертом. Факт обнаружения носителя, а также все последующие действия с ним должны фиксироваться в протоколе следственного действия.

Если в ходе обыска будет обнаружено программируемое устройство, в том числе персональный компьютер, ноутбук или мобильный телефон, то действия с таким устройством должны зависеть от его состояния.

Так, если устройство включено, то при совершении следственного действия необходимо исключить возможность его отключения кем-либо из участников, поскольку при отключении устройства произойдет потеря всех данных, находящихся в оперативной памяти. Определить, включен ли компьютер, можно по цветовым индикаторам на системном блоке персонального компьютера или корпусе ноутбука, звуку вентиляторов системы охлаждения или звуку работающего CD/DVD/BD-привода. Тем не менее, существуют ситуации, при которых необходимо немедленно отключить устройство от питания. Прежде всего к таким ситуациям относится процесс удаления информации с устройства. Такие процессы на экране могут быть обозначены словами «удаление», «форматирование», «очистка», «перемещение» (англ. «delete», «format», «wipe» или «remove»).

В частности, браузер I2P, предназначенный для обеспечения анонимности в сети Интернет и доступа к так называемому темному интернету (Darknet), обладает функциями тревожной кнопки, полностью удаляющей всю информацию, связанную с браузером.

В таком случае отключение устройства производится с целью предотвращения утраты потенциально значимой информации.

Также необходимо обратить внимание на возможность удаленного управления устройством, подключенным к сети Интернет. Если на экране устройства выведена информация, имеющая значение для расследования преступления, то необходимо зафиксировать ее на фото- или видеоноситель, а также внести соответствующие сведения в протокол. Если операционная система устройства относится к семейству Microsoft Windows, то имя пользователя, последние открытые файлы и папки, а также все последние действия и иные имеющие значение данные сохраняются в компьютере, что позволяет отключить устройство для дальнейшего изъятия.

Не рекомендуется отключать устройство в случае, если на его экране видно, что открыты текстовый документ, доступ к «облачному» хранилищу информации, окна мгновенных сообщений или чат-комнаты, программы шифрования данных или на экране отображается иная информация криминального или подозрительного вида. В таком случае подобного рода информация также фиксируется. При необходимости для консультации вызывается специалист.

Если обнаруженное в ходе следственного действия устройство выключено, то оно изымается по правилам действующего уголовно-процессуального законодательства, упаковывается, печатывается и заверяется. Включение такого устройства происходит уже в ходе проведения осмотра с участием специалиста либо компьютерно-технической экспертизы. В противном случае включение устройства может инициировать заранее заготовленные команды по удалению, изменению или шифрованию информации либо иным образом сказаться на состоянии информации.

В случае, если поиск электронных следов сопряжен с работой в сети, состоящей из нескольких связанных компьютерных устройств, то изъятие устройства или устройств не производится, и возникает необходимость в проведении осмотра компьютерной сети с обязательным участием специалиста.

При расследовании преступлений рассматриваемой категории также целесообразно получить от пользователя всю возможную информацию об устройстве: о технических характеристиках устройства и его комплектующих; имена (логины) и пароли пользователей устройства; аккаунты пользователей; сведения об используемой системе защиты, программах, работающих в автономном режиме, используемых «облачных» хранилищах.

Другим важным следственным действием является выемка у провайдеров и хостинг-провайдеров документов, содержащих сведения об арендаторах сетевых ресурсов, используемых под web-сайты, web-страницы, форумы или баннеры, о пользователях

услугами сети Интернет, способах соединений, о владельцах электронной почты, информацию о плательщиках за арендуемые места, а также статистику соединений по пополнению и обновлению интернет-ресурсов. Значение данного действия заключается в том, что в условиях использования злоумышленником псевдонима имеется возможность обнаружить фактическое место, с которого осуществлялась преступная деятельность, что позволит в дальнейшем найти самого преступника.

Таким образом, особенности проведения отдельных следственных действий в ходе расследования преступлений экстремистской направленности в пространстве социальных сетей характеризуются спецификой виртуальной среды, в которой они совершаются. Также отметим, что расследование подобного рода преступлений — это весьма сложный процесс, требующий привлечения всех средств, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. К их числу относится и использование специальных знаний, что представляется крайне важным с учетом специфики предмета рассматриваемой группы преступлений.

2.3. Особенности подготовки и назначения судебных экспертиз

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 11) предусматривает в необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов использование специальных знаний в форме лингвистической экспертизы. К такой экспертизе могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты иной области знаний (психологии, истории, религии). При этом целью проведения лингвистической экспертизы является выявление смысловой направленности текстов и используемых пропагандистских приемов, ее выводы нередко становятся основой для признания материалов экстремистскими: «...определяющим является смысловая функция таких сообщений, то, ради чего, в подтверждение каких взглядов и идей они используются, какие представления и установки и какими средствами пропагандируются, навязываются читателям (слушателям, зрителям)»¹. В связи с этим представляется необходимым рассмо-

¹ Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова А.Н. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правая характеристика / под ред. А.Р. Ратинова. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 53 (цит. по: Сычев Е.А., Мартынова Л.Л. Признаки возбуждения вражды и ненависти и их значение для определе-

треть основные положения использования специальных знаний в форме лингвистической судебной экспертизы, а также некоторые особенности, связанные с ее подготовкой и назначением.

Оценивая Постановление Пленума ВС РФ № 11, следует согласиться с мнением ряда авторов, указывающих на его недостаточность для решения некоторых проблем, возникающих при расследовании преступлений экстремистской направленности¹. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ № 11 не приводятся определений таких понятий, как «ненависть», «вражда», «социальная группа», а также оставлен без однозначного ответа вопрос о том, является ли обязательным производством экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности, либо вывод о направленности преступления можно сделать на основе заключения либо показаний специалиста, а, может быть, и вовсе на основе иных доказательств или внутреннего убеждения следователя. Также остался без ответа и вопрос о различиях между экстремистскими побуждениями и иными. Так, не являются экстремистской пропагандой высказывания лиц с низким культурным уровнем или образованием, неспособных адекватно аргументировать свою точку зрения, а также вести дискуссию и сознавать степень социальной ответственности за произнесенные слова. Так же нельзя считать экстремистской пропагандой распространение идей избранности последователей той или иной конфессии. Такие взгляды встречаются практически во всех религиях, однако такая пропаганда является экстремизмом только в том случае, если включает в себя требование изменить объем гражданских прав и обязанностей лица или унижает национальное достоинство той или иной этнорелигиозной группы.

При этом необходимо отметить неоднозначность толкования и самого Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Так, в комментариях к данному закону отмечается обязательность оценки специалистом (экспертом) материалов при отнесении их к экстремистским. При этом также указано, что не любое исследование, проведенное специалистами (экспертами), суд может расценивать как экспертизу²,

ния смысловой и психологической направленности текста) // Общество и право. 2008. № 1(19). С. 226).

¹ Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С.В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. С. 104.

² Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2015) // СПС «КонсультантПлюс».

что противоречит формулировке «... в необходимых случаях», использованной в Постановлении Пленума ВС РФ № 11. Сложившаяся судебная практика также предполагает проведение экспертизы в отношении любого материала, обнаруженного в пространстве социальных сетей.

Таким образом, лингвистическая или комплексная судебная экспертиза де-факто становится обязательной по делам о преступлениях экстремистской направленности, выступая в качестве дополнительного доказательства к числу имеющихся. Отправляя материалы на лингвистическую экспертизу, следователь, по сути, фактически оставляет за экспертом решение о преступности деяния.

Рассматривая необходимость проведения лингвистических экспертиз, целесообразно говорить о среднем и мягком языках вражды, когда у следователя могут возникнуть затруднения в определении значения и направленности материалов. Однако в ситуации жесткого языка вражды, когда имеются прямое выражение ненависти, очевидные призывы к насилию по отношению к другой расе, нации, конфессии, проведение подобного рода экспертизы представляется излишней.

Рассматривая вопросы проведения лингвистических экспертиз, необходимо отметить, что существует неопределенность объекта подобного рода экспертных исследований, особенно в условиях их проведения по материалам сети Интернет. Как отмечается в научной литературе, в узком смысле объектами лингвистических экспертиз являются продукты речевой деятельности человека (от отдельного слова до текста в целом или группы текстов), зафиксированные в письменной форме (в том числе устные тексты, записанные с помощью букв)¹. Такое определение предполагает необходимость стенографирования устного текста. Вместе с тем, учитывая, что на такие экспертизы могут направляться видеоролики или аудиозаписи, содержащие необходимый текст в устной форме, фиксация устного текста представляется нецелесообразной, особенно в ситуации, когда в записи существует несколько звуковых дорожек или звуковая дорожка воспроизводится одновременно с текстом, поскольку при стенографировании порядок нарушается, что препятствует восприятию текста в целом.

Традиционно в качестве объекта лингвистической экспертизы рассматриваются единицы языка и речи, тексты, представленные

¹ Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Т.П. Москвина и др.; под общ. ред. Т.П. Москвиной. М.: АНТИДОР, 2004. С. 421.

на любом материальном носителе¹. Такое определение позволяет оценивать тексты как письменные, так и устные. Однако необходимо отметить, что непосредственно текст характерен для экстремистских материалов в виде самиздата или лозунгов, озвученных при массовой аудитории, в то время как в сети Интернет и социальных сетях в частности наиболее характерны продукты так называемого интернет-творчества, включающие в себя короткие ролики с музыкальным сопровождением, «демотиваторы», изображения с подписями, либо короткие лозунги, оформленные в виде изображения.

Исходя из отмеченного, в более широком смысле слова объектами лингвистической экспертизы являются текст, включающий в себя другие продукты речевой деятельности до предложений и слов в отдельности, и (при его наличии) так называемый «антураж» – несловесное содержимое материала, которое может оказывать влияние на восприятие текста, изменять характер материала². Таким содержимым могут быть иллюстрации и другие изображения, фотографии, видеоряд, саундтрек и любые другие элементы, вплоть до оформления страницы с текстом, поэтому эксперту всегда необходимо исследовать не только отдельные текстовые единицы (текст публикации или стенограмма видеозаписи, аудиозаписи), но и полностью весь контекст публикации, включая название страницы, на которой опубликован такой материал.

Так, *приговором Октябрьского районного суда г. Уфы от 10 ноября 2010 года № 1-641/2010 было установлено, что подсудимый разместил на видео-хостинге видеозапись экстремистского содержания, на которой были использованы фразы на русском, английском и немецком языках. В частности, была использована фраза «Burn and Kill the Beast!» в переводе «Жечь и убивать скотов!», которая в отрыве от видеоряда может быть вариативно истолкована и не являться направленной к конкретной расе, национальности или конфессии. Однако фраза сопровождалась изображением оружия, направленного на еврейский символ, что характеризуется как призыв именно в отношении определенной нации.* Таким образом, для экспертного исследования целесообразно использование всего объема имеющихся материалов для полноты и достоверности экспертизы.

¹ Россинская Е.Р. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2011. С. 136.

² Назарова Т.В., Громова А.В. Проблемные вопросы лингвистической экспертизы экстремистских материалов и перспективные направления развития судебной лингвистики // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 451-456.

Рассматривая лингвистическую экспертизу, немаловажно также отметить проблему постановки вопросов эксперту. Так, в комментариях к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» указано, что перед экспертом рекомендуется ставить следующие вопросы¹:

- содержатся ли в материалах, представленных на экспертное исследование, сведения, включающие в себя призыв к экстремистской деятельности; если да, то в каких именно фрагментах и высказываниях исследуемых материалов они содержатся; какова форма их выражения: вопрос, предположение, утверждение;

- содержатся ли в материалах высказывания, содержащие призыв к насильственному захвату власти;

- содержатся ли в материалах высказывания побудительного характера, направленные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации;

- имеются ли в материалах высказывания, содержащие подстрекательство на осуществление террористической деятельности в открытой либо скрытой форме;

- имеются ли в материалах высказывания или выражения, публично оправдывающие терроризм;

- имеются ли в материалах высказывания или выражения, направленные на возбуждение расовой, национальной или социальную розни;

- имеются ли в материалах слова, высказывания или выражения, призывающие к осуществлению террористической деятельности.

В числе вопросов, предлагаемых к разрешению в рамках проведения лингвистической экспертизы, встречаются также вопросы о принадлежности материалов к внесенным в список экстремистских.

Вместе с тем, следует отметить, что в постановлении Пленума ВС Российской Федерации указано, что при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом таких вопросов, которые не входят в компетенцию эксперта, вопросов правового характера, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к осуществлению экстремистской деятельности, о направленности информационных материалов на возбуждение ненависти или вражды перед экспертами поставлены быть не могут. В действительности такие вопросы носят юриди-

¹ Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8 (934). С. 43-45.

ческих характер, поскольку публичные призывы к экстремистской деятельности либо возбуждение ненависти или вражды образуют составы преступлений соответствующих статей УК РФ, из-за чего возникает ситуация, когда эксперт, отвечая на подобные вопросы, подменяет собой следователя и суд. Исходя из отмеченного, в формулировке вопросов, поставленных перед экспертом-лингвистом, не рекомендуется включать юридическую терминологию, такие понятия, как «призыв» или «экстремизм».

Понятие экстремистской деятельности, как правило, распределяется на смысловые компоненты термина или его толкований, вследствие чего имеют место выражения, существующие в границах литературного языка¹. К таким выражениям неюридического характера относятся: «информация об исключительности, превосходстве или неполноценности лиц по признаку их расы или национальности», «указание на причинно-следственную связь между неблагоприятным положением в прошлом, настоящем или будущем одной расы, национальности, религии и действиями или фактом существования другой расы, национальности, религии» или «негативная оценка действий отдельных рас, национальностей, конфессий» и другие подобные формулировки.

Разложение понятия экстремистской деятельности на смысловые составляющие при постановке вопросов перед экспертом позволяет обеспечить выполнение требований Пленума Верховного Суда РФ, но, в сущности, эксперт, отвечая на такие вопросы, отвечает на изначальный вопрос о наличии экстремистского призыва, поскольку негативная оценка расы, национальности, конфессии удовлетворяет понятию среднего или мягкого языка вражды, в зависимости от используемых формулировок, что связано с используемыми законодательством понятиями, входящими в экстремистскую деятельность, такими как пропаганда исключительности, превосходства или, наоборот, неполноценности по расовому, национальному или религиозному признаку². При замене понятия «пропаганда» на понятие «информация» сущностных изменений вопроса не происходит. Тем не менее необходимо отметить, что в вопросах понимания семантического значения, побудительного характера юридическая наука и лингвистика находятся в состоянии тесной связи, при которой достаточно сложно определить, где заканчивается

¹ См.: Иссерс О.С., Орлова Н.В. Лингвистические корреляты понятия «вовлечение в экстремистскую деятельность» // Политическая лингвистика. 2017. № 3. С. 132.

² См.: Ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 31.07.2020).

специальное знание в области языка и начинается правовая оценка самого деяния, которое носит словесный характер, а потому субъективная, объективная стороны, а также сам объект полностью охватываются одной экспертизой, из-за чего возникает ложная установка на достаточность нахождения субъекта преступления.

На практике нередко отмечается спорный характер экспертных исследований по рассматриваемой категории дел, поскольку нередко возникает ситуация, когда оценки одного материала разными экспертами являются прямо противоположными¹. При этом необходимо отметить, что такое расхождение связано в первую очередь не с ошибками, как при проведении криминалистических экспертиз, а с субъективным характером оценки материалов, различием используемых методик, различиями толкования и определения семантики высказываний.

Необходимо также отметить проблему оценки возможности при проведении лингвистических экспертиз. В отличие от большинства других экспертиз формулировка возможности относится не совершению того или иного действия, но к возможным последствиям от совершенного деяния. Так, формулировка «высказывание способно разжечь межрасовую межнациональную или межрелигиозную ненависть и вражду» характеризуется асимметричностью, непроверяемостью, но верифицируемостью². Такой ответ предполагает, что он будет истинен при любом количестве людей, на которых высказывание воздействовало вплоть до одного, вместе с тем ответ будет истинен и при отсутствии людей, на которых материал воздействовал, поскольку формулировка «возможно» предполагает такую вероятность в будущем. В таком случае необходимо оценивать не возможность возбуждения ненависти таким высказыванием, а направленность, наличие призыва в скрытой или открытой форме.

Таким образом, лингвистическая экспертиза материалов в пространстве социальных сетей в результате сложившейся практики обладает обязательным характером, объектом таких экспертиз являются как сам текст в широком смысле, так и сопутствующие элементы (антураж), включающие в себя изображения, видеоряд, аудиозаписи или саундтрек. При формулировке вопросов эксперту необходимо избегать юридических конструкций, из-за которых в ходе экспертизы могут формулироваться ответы правового характера.

¹ См.: Арутюнов А.С. Методология производства судебной лингвистической экспертизы с целью установления проявлений экстремизма // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 79-83.

² Арутюнов А.С. Методология производства судебной лингвистической экспертизы с целью установления проявлений экстремизма // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 80.

Так, целесообразной представляется следующая формулировка вопросов:

1. Выражают ли словесные или изобразительные средства, использованные в материале, унижительные характеристики или отрицательную эмоциональную оценку и негативные установки в отношении какой-либо расовой, этнической, религиозной, иной социальной группы, ее представителей? Если да, то какие именно, в какой форме?

2. Содержится ли в материале информация, направленная на побуждение к действиям против какой-либо расы, нации, конфессии, иной социальной группы, ее представителей? Если да, то какая именно, в какой форме?

3. Имеются ли в спорном речевом произведении высказывания оскорбительного характера по отношению к лицам какой-либо расы, национальности, конфессии или иной социальной группы?

4. Носит ли указанный материал характер призыва?

5. Создается ли образ врага в указанном материале?

Экспертиза не может устанавливать виновность лица, поскольку это не относится к ведению эксперта. Эксперт-лингвист как лицо, обладающее знаниями в области семантики и лексики, должен установить негативный окрас материалов, оценить слова, используемые для обозначения социальных групп, а также для их негативной или превозносящей характеристики. При комплексной экспертизе эксперт-психолог должен определить используемые автором публикации методы побуждения к действиям, способы воздействия на читателя, зрителя, слушателя, что в дальнейшем оценивается следователем и судом как доказательство экстремистской направленности материалов.

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать обоснованный вывод о том, что использование специальных знаний при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности в различных процессуальных формах и на различных этапах уголовного судопроизводства является исключительно важным способом получения доказательственной информации, а в некоторых случаях – решающих доказательств.

Вместе с тем, анализ отечественного и зарубежного опыта противодействия экстремизму позволил сделать вывод о том, «можно лишь на какое-то время снизить или устранить угрозу проявления экстремизма, но эта угроза будет сохраняться, пока идеология экстремизма сохраняет свою привлекательность среди последовате-

лей, пока существует возможность ознакомления с ней»¹. В связи с этим следует заключить, что усилия в сфере антиэкстремистской деятельности должны быть сконцентрированы прежде всего на профилактике экстремизма.

2.4. Профилактические меры противодействия проявлениям экстремизма в социальных сетях

Как уже отмечалось, несмотря на достигнутые успехи в деле противодействия терроризму и экстремизму, ситуация в данной сфере по-прежнему остается весьма напряженной. Свою роль, как бы парадоксально это не звучало, сыграла и разворачивающаяся в мире пандемия коронавируса, активизировавшая деятельность экстремистских организаций по распространения своей идеологии с использованием современных онлайн-технологий. Вот что отметил по этому поводу руководитель Антитеррористического центра СНГ А.П. Новиков: «По мере перевода населения к режиму самоизоляции и закрытия границ между государствами... террористические группы технологически сместили акценты своей деятельности – они ушли в онлайн. Активизировались медийные центры, сочетающие распространение идеологии терроризма и экстремизма, вовлечение новых членов. В последнем случае вербовка ... облегчается не только снижением уровня жизни населения..., но и дополнительным эффектом длительного социального стресса... Это серьезный вызов обществу»².

Отмеченное позволяет констатировать тот факт, что в настоящее время экстремистские организации и движения ведут активную вербовку новых сторонников, в том числе и несовершеннолетних, а также проводят активную работу по распространению экстремистской идеологии в сети Интернет.

Проникновение глобальной сети Интернет в общественную жизнь привело к тому, что правоохранительные органы действуют в мире, который не только использует, но и требует присутствия социальных сетей. В таком случае социальные сети не могут рассматриваться как проблема сама по себе, необходимо действовать не против сети Интернет или социальных сетей, а действовать в условиях глобальной сети и ее объектов, необходимо активизировать

¹ Григорьев А.Н. Некоторые подходы к организации работы по профилактике экстремизма // Вестник КФ СПбУ МВД России. 2017. № 1(47). С. 55.

² ТАСС. Глава Антитеррористического центра СНГ: террористы используют усталость от пандемии. – URL: <https://tass.ru/interviews/8823371>.

усилия по профилактике экстремизма в современном информационном пространстве.

В России в настоящее время преобладает так называемый стихийный тип экстремистской активности. Что, с одной стороны, позволяет оценить как низкий уровень организованности молодежного экстремизма, а с другой – требует специфических форм организации системной профилактической работы, так как в стране очень высок уровень стихийного экстремизма, имеющего латентный характер и проявляющегося в редких, но жестоких действиях молодых людей¹.

Необходимость проведения профилактических мероприятий, задачами которых является устранение самих причин и условий, способствующих появлению экстремизма как идеологии, находит свое отражение и в федеральном законодательстве. Так, в ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, отнесено к числу приоритетных мер противодействия экстремизму в Российской Федерации.

В этих целях на уровне субъектов федерации, муниципальных образований, образовательных организаций разрабатываются программы профилактики экстремизма, которые, к сожалению, недостаточно эффективны с точки зрения их практической реализации. Анализ подобного рода программ позволяет сделать вывод о том, что предусмотренные в них мероприятия зачастую носят общий характер и не ориентированы на четко выраженную целевую аудиторию. Особую озабоченность вызывает сложившееся положение вещей применительно к образовательным организациям, поскольку именно на педагогах лежит основная нагрузка по формированию у подрастающего поколения устойчивости к экстремистской идеологии.

Как представляется, отсутствие в настоящее время необходимой профилактики различного рода экстремистских проявлений является одной из основных причин роста числа преступлений экстремистской направленности, особенно среди молодежи. В этой связи представляется необходимым усилить профилактическую работу среди несовершеннолетних путем проведения мер воспитательно-профилактического характера уже со школьной скамьи. По-

¹ См.: Экстремизм в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий / Е.О. Кубякин, Л.В. Карнаушенко, Е.М. Куликов, Г.А. Горденцев. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. С. 65.

добная работа по противодействию экстремистской деятельности должна осуществляться в первую очередь со стороны федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, которые в пределах своей компетенции в приоритетном порядке должны осуществлять профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение угрозы экстремизма.

Т.А. Юмашева выделяет следующие основные направления профилактики экстремизма среди молодежи:

- консолидация государственных и негосударственных объединений и организаций по разработке комплекса мер, направленных на организацию досуга, пропаганду здорового образа жизни, семейное психологическое консультирование молодых людей, просветительскую работу по профилактике поведенческих девиаций и асоциальных явлений;

- взаимодействие с родителями. Молодые люди, склонные к принятию экстремистских моделей поведения, как правило, проживают в неблагополучных семьях, способствующих развитию таких идей. В связи с этим необходимо расширять знания родителей о проблеме экстремизма, предупреждать совершение ими ошибок в воспитании детей, использовать меры педагогического воздействия, в том числе посредством вовлечения родителей в систему педагогического обучения, в активную общественную деятельность школы;

- взаимодействие с молодежью, выражающееся в организации досуга, поскольку «внеурочная воспитательная деятельность предоставляет возможность молодому человеку не только свободы выбора действий, но и создает условия для упражнения и тренировки определенных эмоционально-волевых и нравственно-поведенческих качеств»¹.

Молодежь (от 14 до 30 лет) представляет собой основную группу риска, наиболее подверженную влиянию последователей террористических (экстремистских) взглядов и идей. Особое внимание следует обратить на обучающихся в средних и высших образовательных учреждениях.

Данная возрастная группа имеет мало «иммунизирующих» к такой пропаганде личностных ресурсов и, в частности, характеризуется:

¹ Юмашева Т.А. Профилактика экстремизма среди молодежи // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологического исследований. Саратов: Сателлит, 2010. Вып. 5. С. 316-317.

- подверженностью чужому влиянию, внушению и манипулированию;
- недостаточной стрессоустойчивостью;
- глубоким погружением в интернет-пространство;
- романтизацией и героизацией антиобщественных и агрессивных действий.

В молодежной среде легче приживаются радикальные взгляды и убеждения, наиболее быстро происходит накопление и реализация экстремистского потенциала.

К группе риска, как правило, относятся:

- дети, внуки и родственники культивистов или террористов;
- лица из неполных семей;
- лица из асоциальных семей;
- лица с ограниченными физическими возможностями;
- лица из семей с гиперопекой.

Склонность молодежи противопоставлять себя всему миру, «сопротивляться системе» успешно используется идеологами терроризма и экстремизма. Помимо этого, кризис социально-экономической сферы, отсутствие уверенности в завтрашнем дне пугают молодых людей, которые видят решение данных проблем в радикальных, насильственных мерах.

В целях выявления детей, попавших под влияние неформальных молодежных объединений или сект, необходимо обращать внимание на следующие общие факторы:

- ужесточение манеры поведения к более резкой и грубой формам; ребенок становится нетерпим к чужой точке зрения; формируется четкая система «свой-чужой», где «чужой» всегда неправ;

- характерное обесчеловечивание «чужих», акцент на том, что представители «чужой» социальной группы не являются людьми, препятствуют нормальному функционированию общества и государства;

- резкая смена эмоционально-психологического фона (перепады настроения, спонтанная агрессия и т.д.);

- резкое увеличение числа разговоров на политические, религиозные и/или социальные темы, в ходе которых высказываются радикальные суждения с признаками нетерпимости;

- неадекватная или агрессивная реакция на повседневные, привычные вещи, проявление подчеркнутого безразличия к повседневным делам;

- изменение круга общения, кардинальное изменение внешнего облика в соответствии с правилами неформального объединения или секты;

- в элементах одежды и аксессуаров непонятная и нетипичная символика или атрибутика. Особое внимание необходимо обратить на агрессивную и вызывающую символику, такую как поднятый вверх сжатый кулак. Так, надпись А.С.А.В. («All Coppers Are Bastards» (англ. «Все менты – убл*дки»)) характерна как для леворадикальных движений, так и для праворадикальных;

- изменение речи подростка. Он использует нетипичные для повседневного общения и нехарактерные для него выражения, слова, термины, жаргонизмы, а также в грубой форме выражает неодобрение к людям другой национальности, религии, любой другой социальной группы. В речи встречаются устойчивые речевые штампы и конструкции побудительного или пропагандистского толка;

- вступление в открытую словесную конфронтацию с педагогом или другими учащимися; отстаивание при этом ценностей, противоречащих интересам общества;

- отказ от прежних интересов, проявление апатии в учебном процессе. Проявление интереса к нестандартным вопросам, не относящимся к межличностным отношениям, обучению, художественной литературе, фильмам, компьютерным играм или другим характерным для возраста темам;

- явная антигосударственная (особенно в отношении правоохранительных органов) и антиобщественная позиция.

Особенные (характерные) черты определенной экстремистской (террористической) идеологии:

• Праворадикальные движения, скинхеды, неофашисты и т.д. – молодежные фашистские объединения, которые отличаются подражанием немецкому нацизму, при этом агрессия направляется не на славянские народы, а на выходцев из Азии, Кавказа и др. Для последователей данных движений характерны следующие особенности:

- в речи нередко употребляется понятие нации, чистоты крови, расы и т.п. Дается негативная оценка остальным национальностям. Ксенофобия проявляется, в частности, в использовании военных метафор («захватчики», «оккупанты», «агенты инородной экспансии» и т.д.) или аналогии с животным миром;

- частные проявления могут выражаться в представлениях о наличии некоего «тайного мирового правительства», масонского сообщества, «сионистского оккупационного правительства» и т.д.;

- в одежде встречаются кельтские узоры, рунические записи, черепа и оружие, нередко с дополнительным контекстом в виде угрозы. К примеру, футболка с черепом и перекрещенными бейсбольными битами, подписью «бейсбольный клуб» (*baseball club*).

Также достаточно часто встречаются изображения стилизованной свастики или иной символики третьего рейха до степени узнавания, но не полного сходства. Отдельно необходимо отметить такие бренды, как Thor Steinar («Тор Штайнар»), «Русультрас», «Ультраснордик», Svaston;

- особое внимание следует обратить на поведение в определенные дни и даты; в частности 20 апреля (день рождения Адольфа Гитлера) праворадикалы поздравляют друг друга «с праздником», в издевательской манере произносят фразу «спасибо деду за победу» (здесь «дедом» называется Гитлер);

- часто используется сочетание чисел 1488 (кодовый лозунг длиной в 14 слов, употребляющийся в качестве приветствия или подписи у белых националистов) в различных вариациях, выражение «от сердца к солнцу» и т.п.

• Леворадикальные движения, «антифа» находятся на противоположной политической позиции. Основная цель — борьба с фашистами (важно учитывать, что представители некоторых ветвей данного движения относят к «фашистам» не только представителей правых взглядов, но и несогласных), нередко — насильственными методами. Для них характерны следующие особенности:

- в речи часто употребляют понятия «фашист», «нацист», «Гитлер» в качестве ругательств по отношению к несогласным;

- публично выступают против любых форм дискриминации (национализма, расизма, неонацизма, антисемитизма, ксенофобии, гомофобии). Некоторые движения придерживаются «теории привилегий», в связи с чем сами склонны проявлять дискриминационное поведение к национальному или расовому большинству;

- склонны к интерпретации действий «чужих» как той или иной формы дискриминации;

- некоторые ответвления активно поддерживают ЛГБТ и используют связанную символику;

- характерная «актикорпоративная» позиция, критика капитализма, власти денег, иерархии в любой форме;

- наиболее примечателен единый символ движения — два параллельных флага: черный и перекрывающий его красный, развивающиеся в левую сторону.

• АУЕ — «арестантский уклад един» — название и девиз криминальной субкультуры¹. К ее отличительным чертам следует отнести то, что АУЕ в силу своей специфики редко носит индивидуальный

¹ 17 августа 2020 года Верховный Суд Российской Федерации принял решение о признании движения экстремистским.

характер; как правило, это группа подростков. Для последователей данного движения характерно следующее:

- резкое падение успеваемости;
- проявление заинтересованности к «воровской романтике» (фильмам, сериалам, музыке и т.п.);
- употребление тюремного жаргона;
- вымогательство у других подростков «в обшак» за «крышу»;
- хвастовство связями с «криминалитетом»;
- совместная травля «опущенных», отказавшихся принимать участие в «общаке»;
- стремление создать во внешнем виде образ «зэка», «гопника», или иного вида уголовника; тюремная стилистика на футболках, значках и т.д.

• Ваххабизм – нетрадиционное для мусульман России течение ислама, лидеры которого в качестве одного из приоритетных направлений своей деятельности видят вербовку российской молодежи. Так, на территории Российской Федерации функционируют так называемые центры исламской молодежи, где члены террористических организаций (например, «Хизбут-Тахрир», «Рефах», «Аль-Фатх», «ИДУ», «НУР») обучают молодежь основам радикального ислама и осуществляют вовлечение в экстремистские объединения¹. Помимо этого, учебные центры предоставляют своим учащимся стипендии, что делает обучение крайне привлекательным для молодежи из малообеспеченных семей. Для данного движения характерны:

- нетерпимость к атеизму и другим религиям (особенно к мусульманам);
- ваххабизм критикует употребление кофе, ношение шелковой одежды, музыку и пение;
- активная пропаганда своего религиозного учения среди сверстников;
- критика прав человека как фактора морального разложения;
- критика демократии как преступления против Бога;
- критика прав женщин и феминизма;
- выраженный антисемитский и антизападный настрой;
- исключительно негативное отношение к памяти предков (посещение и уход за захоронениями и т.п.);
- использование таких понятий, как «джихад» (священная война), «кафир» (неверный), «ширка» и «мунафики» (многобожники и вероотступники).

¹ См.: Проявление экстремизма в молодежной среде / ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – URL: <https://фрунз.78.мвд.рф/news/item/21056956?year=2020&month=9&day=11>.

При этом необходимо отличать экстремистские взгляды от юношеского максимализма и проявлений незрелой ретрансляции увиденного в сети Интернет, а также обычного хулиганства. Ключевое различие проявляется в крайней идеологизированной готовности к совершению радикальных действий. Поэтому необходимо учитывать все признаки в совокупности. Также важно помнить, что молодой человек, попавший под влияние неформального молодежного объединения или секты, может не соответствовать по тем или иным причинам всей совокупности признаков.

Исходя из вышесказанного полагаем, что для эффективной работы по профилактике экстремизма, развенчания радикальных идей и недопущения распространения экстремистской идеологии необходимо глубокое изучение как теоретических, так и практических аспектов деятельности экстремистских движений и организаций, понимание их скрытых целей и задач, методов вовлечения в свои ряды сторонников. На базе данных знаний возможно создание программ профилактического характера, направленных на различные категории слушателей и актуализированных с реальными региональными угрозами.

Одним из направлений деятельности по профилактике экстремизма в молодежной среде является проведение лекций с руководителями и воспитателями учреждений молодежной сферы, тренерами спортивных школ, центрами дополнительного образования подростков, а также других молодежных организаций.

Как показывает опыт проведения подобных мероприятий среди педагогов средней и высшей школы, за исключением образовательных организаций юридической направленности, подавляющее большинство педагогов не только не обладает пониманием понятия экстремизма, его внутренней структуры, многообразия экстремистских организаций, способов вербовки в экстремистские организации, но и зачастую не понимает опасности и негативных последствий от воздействия экстремистской идеологии на молодежь.

Кроме того, практика свидетельствует и о том, что зачастую вовлеченная в экстремистские организации и движения молодежь не скрывает радикальных взглядов, причисления себя к движениям экстремистского толка, открыто вступает в диалоги с педагогами по темам оправдания экстремистской идеологии, публикует на персональных аккаунтах в социальных сетях экстремистский контент, вносит в свой профиль изменения о смене вероисповедания и причислении себя к радикальным религиям. Однако педагоги и социальные работники вследствие отсутствия знаний зачастую не

могут распознать факты воздействия экстремистской идеологии на молодых людей, либо в связи с отсутствием реального понимания угрозы игнорируют тревожные сигналы.

Данное положение дел позволяет экстремистским организациям осуществлять планомерное и глубокое идеологическое воздействие на различные слои молодежи, находя слабые места в ее знаниях и воспитании. Отсутствие немедленной реакции со стороны педагогических работников на факты проникновения экстремистской идеологии дает возможность осуществления долгосрочного воздействия на учащихся, возникновения у них стойкого принятия радикальных взглядов, а также обеспечивает для подобного рода пропагандистской деятельности широкую аудиторию обучающихся самых разных возрастных категорий.

В настоящее время в большинстве субъектов Российской Федерации деятельность уполномоченных государственных органов по линии профилактики экстремизма среди молодежи нельзя назвать эффективной, о чем свидетельствуют факты вовлечения молодых людей в экстремистские организации, неготовность педагогических работников образовательных организаций к выявлению фактов вовлечения обучающихся в экстремистскую деятельность и оказанию необходимого профилактического воздействия в целях недопущения случаев подобного рода.

Как представляется, последнее обусловлено не нежеланием педагогических работников заниматься подобного рода деятельностью, а недостаточным уровнем их профессиональной подготовки по данной проблематике, отсутствием необходимых педагогических методик, направленных на противодействие экстремизму.

Один из возможных путей решения данной проблемы заключается в разработке и реализации на уровне субъектов федерации целевых программ дополнительного профессионального образования педагогических работников образовательных организаций как общего, так и профессионального образования по вопросам профилактики экстремизма. Причем принципиально важно, чтобы эти программы носили межведомственный характер. Как представляется, в разработку и реализацию подобного рода программ должны быть вовлечены представители не только гражданских образовательных организаций, но и представители органов внутренних дел (прежде всего Центров по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России), образовательных организаций МВД России. Это позволит разработать технологии обучения, отвечающие требованиям не только педагогической теории, но и правоприменительной практики. Координатором подобного рода

работ могут выступить антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации.

В Калининградской области подобного рода программы разработаны усилиями ведущих ученых юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России при активном участии сотрудников Центра по противодействию экстремизму УМВД России по Калининградской области и апробированы на практике. Данные программы рассчитаны на разные категории педагогических работников и призваны обеспечить формирование профессиональной компетенции слушателей, определяющей способность преподавателя выявлять признаки экстремистского поведения среди обучающихся в образовательных организациях, разрабатывать и реализовывать комплекс мер по профилактике экстремизма и терроризма в учебно-воспитательном пространстве образовательной организации.

Программы основаны на модульном принципе построения учебных планов и включают несколько учебных модулей, содержание которых актуализируется в зависимости от сложившейся ситуации в данной сфере как в России в целом, так и конкретно в Калининградской области. Опыт практической реализации этих программ показал их востребованность педагогическим сообществом.

Другим, не менее важным направлением профилактики экстремизма является осуществление контрпропаганды и противодействие вербовке новых членов экстремистских организаций в социальных сетях. К сожалению, следует признать, что на системной основе такая работа в Российской Федерации практически не ведется, хотя потребность в этом более, чем очевидна. Справедливости ради следует отметить, что попытки реализации таких проектов, например, в США (Центр глобального взаимодействия (Global Engagement Center), проект WebOps) также пока не привели к ожидаемым результатам.

Как представляется, суть подобного рода деятельности должна заключаться в систематическом мониторинге социальных сетей, выделении группы риска — лиц, придерживающихся экстремистской идеологии, или готовых принять ее, а также проведении с ними соответствующей разъяснительной работы. Несмотря на кажущуюся простоту, реализация подобного рода проекта представляется весьма непростым делом.

На региональном уровне наиболее целесообразным нам представляется подход, при котором такая работа велась бы под эгидой антитеррористической комиссии в субъекте Российской

Федерации в рамках негосударственной некоммерческой организации (создаваемой, например, на базе ведущей в регионе образовательной организации) во взаимодействии с органами власти и управления, правоохранительными органами региона, научными и образовательными организациями, журналистским сообществом. К практической работе могли бы привлекаться активные пользователи соцсетей (очень важно, чтобы спикеры были частью родной целевой аудитории, а не сторонними экспертами): это могут быть как профессиональные журналисты, так и, например, студенты региональных вузов, прошедшие необходимую подготовку. Последнее представляется весьма актуальным, поскольку одного лишь желания заниматься подобным рода деятельностью явно недостаточно. Для этого необходимы, прежде всего, методические разработки, которые помогали бы как специалистам, так и обычным пользователям распознавать и правильно реагировать на информацию экстремистского характера. Также необходимы программы подготовки специалистов в области контрпропаганды, например, в рамках магистратуры¹.

Вполне очевидным представляется и то, что реализация подобного рода проектов является лишь одной, пусть и очень важной составляющей деятельности по противодействию экстремизму в современном обществе. Успешное решение данной задачи возможно лишь в случае широкого привлечения к этой деятельности не только педагогических работников, но и самих обучающихся, их родителей, всех государственных и общественных структур. Лишь совместными усилиями мы сможем создать необходимые условия для укрепления мира и согласия в нашем обществе.

¹ См.: Григорьев А.Н. Некоторые подходы к организации работы по профилактике экстремизма // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2017. № 1(47). С. 53-56.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экстремизм как социально-правовой феномен представляет собой общественно опасное явление, включающее в себя совокупность идеологических взглядов и практических действий, выраженных в непринятии иных суждений, а также в навязывании собственных догм обществу и государству силовыми способами, которые направлены, как правило, на подрыв государственных и общественных устоев при помощи применения крайних насильственных методов, обладающее признаками транснациональности и создающее реальные угрозы национальной безопасности государства.

Проблема противодействия экстремизму как угрозе мирового масштаба находит свою актуальность в государственных и международных документах. Она включает в себя как общие проблемы, связанные с интернет-преступностью (анонимность, простота совершения преступления, сопряженная с минимальными рисками, неограниченным расстоянием и широким кругом охвата), так и проблемы квалификации деятельности в качестве экстремистской в условиях отсутствия явно выраженного экстремистского характера действий. При этом необходимо отметить опасность вовлечения в экстремистскую деятельность молодежи, а также колоссальные объемы данных в сети Интернет, что затрудняет возможности противодействия преступлениям, там совершаемым. Эти обстоятельства обуславливают необходимость не только повышения эффективности противодействия распространению экстремизма в сети Интернет, но и совершенствования правовой основы противодействия экстремизму в целом.

С уголовно-правовой точки зрения преступления экстремистской направленности характеризуются как преступления с формальным составом, объектом которых являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование и стабильность государственной власти в России в целом, а также ее отдельных институтов и органов, выражающиеся в общественных отношениях, обеспечивающих реализацию основополагающих принципов, отражающих сущность государства, правовое положение личности, основы экономического строя, систему и порядок взаимодействия государственных органов, а также безопасность Российской Федерации. Объективная сторона характеризуется деянием в форме действия. Субъект таких преступлений общий — вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Субъективная сторона характеризуется наличием

умысла на совершение преступления, а также необязательным, но существенным признаком идеологического мотива совершения преступления. Обращая внимание на объективную сторону преступления, необходимо отметить, что размещение материалов в сети Интернет имеет ддящийся характер, поскольку длительность предусмотрена как умыслом субъекта, так и вредным воздействием на объект, непрерывностью действия или бездействия.

Типичная личность лица, совершающего преступления рассматриваемой категории, может быть охарактеризована следующим образом: мужчина до 30 лет, имеющий среднее образование и минимальные навыки работы с компьютерным устройством.

Преступления экстремистской направленности, совершенным с использованием социальных сетей, присущ целый ряд специфических особенностей, выражающихся в отсутствии свидетелей непосредственных действий злоумышленника; обезличенном характере, исключающем возможность исследования личности потерпевшего; проблеме определения места совершения преступления; необходимости использования виртуальных следов совершенного преступления. Совершение преступлений рассматриваемой категории в виртуальном пространстве также позволяет преступнику успешно скрывать свою личность и использовать защищенные каналы связи, что существенно затрудняет расследование.

В настоящее время преступления экстремистской направленности, как правило, обнаруживаются при следующих обстоятельствах: при поступлении заявления в органы правопорядка и надзорные ведомства от физических и юридических лиц, соответствующих обращений представителей общественных организаций и средств массовой информации, депутатских запросов и т.п.; при получении соответствующей информации от лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам на конфиденциальной основе; в ходе оперативно-разыскных мероприятий, проводимых субъектами оперативно-разыскной деятельности; в процессе расследования других преступлений экстремистской направленности; при расследовании преступных деяний иных видов общеуголовной и экономической направленности; случайно.

С учетом того, что преступления рассматриваемой категории совершаются с использованием сети Интернет, одним из основных путей выявления подобного рода преступлений является проведение мониторинга глобальной сети, для чего могут быть использованы как возможности существующих поисковых систем, так и специализированное программное обеспечение. Перспективным направлением совершенствования данного вида деятельности яв-

ляется использование виртуальных «агентов» для внедрения в виртуальную среду и преодоления настроек приватности закрытых экстремистских и проэкстремистских групп, движений и организаций.

Результаты изучения судебно-следственной практики по делам о преступлениях экстремистской направленности свидетельствуют о том, что наиболее распространенными следственными действиями, осуществляемыми по уголовным делам рассматриваемой категории, являются: осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, допрос, обыск, а также назначение различных видов экспертиз. В исследовании даны тактические рекомендации проведения отдельных следственных действий, которые предполагают наличие дополнительных профессиональных требований как к самому следователю, так и другим лицам, привлекаемым к участию в следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях.

Проблема выявления признаков экстремизма носит комплексный характер и предполагает проведение экспертных исследований. Использование специальных знаний при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности в различных процессуальных формах и на различных этапах уголовного судопроизводства является исключительно важным способом получения доказательственной информации, а в некоторых случаях – решающим доказательством. В связи с этим в исследовании дана характеристика лингвистическим экспертизам как основным по данной категории дел, обозначен объект таких экспертиз, значение сопровождающих текст материалов, обозначены проблемы постановки вопросов перед экспертом, а также проблемы самого экспертного заключения, предложены формулировки вопросов эксперту.

Эффективность противодействия преступлениям экстремистской направленности во многом обуславливается состоянием дел по профилактике подобного рода проявлений, особенно в молодежной среде.

Контрпропаганда и противодействие вербовке новых членов экстремистских организаций должны осуществляться в форме:

- систематического мониторинга социальных сетей с целью выявления лиц, придерживающихся экстремистской идеологии или готовых принять ее, проведения с ними соответствующей превентивной работы;

- проведения тематических занятий с руководителями и воспитателями учреждений молодежной сферы, центров дополнительного образования подростков, тренерами спортивных школ, а также представителями других молодежных организаций;

- разработки и реализации на уровне субъектов федерации целевых программ дополнительного профессионального образования педагогических работников образовательных организаций как общего, так и профессионального образования по вопросам профилактики экстремизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (Принята в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций (Принята в г. Нью-Йорке 08.09.2000 Резолюцией 55/2 на 8-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

8. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-

2753) (ред. от 29.05.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

10. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

11. О компетентных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г.: указ Президента РФ от 21.09.2020 № 571 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

12. Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности: указание Генпрокуратуры России от 21.09.2018 № 602/27 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

II. Специальная литература:

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001. 432 с.

2. Арутюнов А.С. Методология производства судебной лингвистической экспертизы с целью установления проявлений экстремизма // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 79-83.

3. Бегичев А.В. Использование протоколов осмотров интернет-сайтов в судебной практике // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 208-212.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации: В 3-х томах. Т. 3. М.: Юрист, 1997. 480 с.

5. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. - 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. 837 с.

6. Бессонов А.А. Значение криминалистической характеристики преступлений в отечественной криминалистике // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4 (14). С. 115-119.

7. Бондаренко В.О. Уголовно-правовое значение мотива преступления // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 5-13.

8. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти,

вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С.В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. 264 с.

9. Быкадорова А.С. Проектный подход в профилактике распространения экстремизма и идеологии терроризма в сети Интернет // Обзор НЦПТИ. 2017. Вып. № 1 (10). С. 60-61.

10. Валеев А.Х. Расследование преступлений, связанных с экстремистской деятельностью: учебное пособие / А.Х. Валеев, А.Н. Данилко, А.В. Кудрявцев, В.Б. Поезжалов. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. 72 с.

11. Васюков В.Ф., Колычева А.Н. Осмотр и фиксация страниц интернет сайта в сети Интернет // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 115-118.

12. Верховский А.М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр «Панорама», 2002. С. 42-43.

13. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: Курс лекций. Ч. 3. СПб: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та МВД России, 1993. 80 с.

14. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Т.П. Москвина и др.; под общ. ред. Т.П. Москвиной. М.: АНТИДОР, 2004. 501 с.

15. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. № 1. С. 650-675.

16. Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976. С. 93-97.

17. Голубых Н.В., Леготин М.П. О сущности понятия «экстремизм» // Адвокат. 2013. № 6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Григорьев А.Н. Некоторые подходы к организации работы по профилактике экстремизма // Вестник КФ СПбУ МВД России. 2017. № 1(47). С. 53-56.

19. Григорьев А.Н., Мешков В.М. Получение информации о времени при работе с электронными следами // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(48). С. 9-12.

20. Давыдов В.О. Исследование криминалистически значимой информации в ходе расследования экстремистских преступле-

ний, совершенных с использованием компьютерных сетей // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4. С. 57-62.

21. Давыдов В.О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера / под науч. ред. А.Ю. Головина. М.: Юрлитинформ, 2018. 436 с.

22. Давыдов В.О. О некоторых аспектах обнаружения признаков преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, и принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9(46). С. 2008-2013.

23. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: монография. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016. 432 с.

24. Егоров Ю.А. Место мотива в системе криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическое образование и наука. 2018. № 8. С. 24-26.

25. Жердев П.А. Электронно-цифровые следы как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2(51). С. 94-101.

26. Иссерс О.С. Орлова Н.В. Лингвистические корреляты понятия «вовлечение в экстремистскую деятельность» // Политическая лингвистика. 2017. № 3. С. 132-136.

27. Каплун Д.Д. Понятие категории «криминалистическая характеристика» в современной криминалистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-1(31). С. 91-93.

28. Климович Л.П., Мартыненко С.В. О криминалистической характеристике преступлений экстремистской направленности, совершаемых в интернет-пространстве // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции с международным участием / научн. ред. Н.А. Никиташина; отв. ред. В.Н. Козлова. 2019. С. 190-196.

29. Кокорев В.Г. Соотношение понятий «терроризм» и «экстремизм» // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1. С. 239-245.

30. Копылова О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010. 160 с.

31. Кулешов Р.В. Криминалистически значимые особенности субъектов преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: гендерный аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 89-92.

32. Курбенков В.А., Ушкань А.В. Некоторые аспекты выявления информационных следов преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий // Научный альманах. 2019. № 1-1 (51). С. 80-83.

33. Льянов М.М. Следы на электронных носителях информации: определение понятия // Вопросы безопасности. 2020. № 2. С. 7-14.

34. Мешалкин С.Н., Горностаева И.В., Федоткин А.И. Выявление, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. 43 с.

35. Мещеряков В.А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 265-270.

36. Назарова Т.В., Громова А.В. Проблемные вопросы лингвистической экспертизы экстремистских материалов и перспективные направления развития судебной лингвистики // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 451-456.

37. Нахова Е.А. Доказательства, полученные с использованием сети «Интернет» // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права: материалы IV всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е.В. Трофимов. 2018. С. 80-87.

38. Павлова Е.Л. Кризис как регулятор общественного развития – Pro et contra // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 4(77). С. 20-23.

39. Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И. Мотивы преступлений экстремистской направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1(60). С. 55-57.

40. Печенкин В. Анализ социальных сетей: в ожидании чуда // Журнал «Компьютера». 2005. № 42. С. 15-20.

41. Роганов С.А. Способ и обстановка как элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Теория и практика современной юридической науки: материалы VI всероссийской научно-практической конфе-

ренции / отв. ред. Е.Б. Гоголевская. 2019. С. 13-17.

42. Россинская Е.Р. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2011. 736 с.

43. Сарычева И.В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Общество и право. 2014. № 3(49). С. 220-224.

44. Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методиках расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 56-57.

45. Сиюткин О.В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Новый юридический вестник. 2020. № 3(17). С. 21-23.

46. Скориков Д.Г., Шувалов Н.В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36). С. 149-153.

47. Смагин С.В. Криминалистическая характеристика способа совершения преступления и методы его фиксации при расследовании преступлений экстремистской направленности // Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России: сборник статей по итогам международной научно-практической конференции. 2019. С. 24-30.

48. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8(934). С. 43-45.

49. Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

50. Сумин А.А., Саморока В.А., Бекетов М.Ю. Практика расследования по уголовным делам экстремистской направленности: аналитический обзор / под общ. ред. д-ра юрид. наук А.А. Сумина. М.: Московский университет МВД России. 2013. 78 с.

51. Хижняк Д.С. О проекте стратегии противодействия транснациональной криминальной деятельности в Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6(29). С. 17-30.

52. Хлебущкин А.Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целост-

ности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. 2014. № 11. С. 25-29.

53. Хрущева Л.Б., Церковная К.А. Социальные сети: положительные и отрицательные стороны присутствия социальных сетей в повседневной жизни // Облачные и инновационные технологии в сервисе и образовании: сборник научных трудов / под ред. И.Т. Насретдинова. 2017. С. 42-45.

54. Шайдуллина Э.Д. Допрос: вопросы теории и практики: учебно-методическое пособие. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2018. 61 с.

55. Шаталов А.С. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учебно-методическое пособие. - Изд. 2-е, стер. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2016. 126 с.

56. Шевченко Е.С. О криминалистической трактовке понятия «киберпреступность» // Информационное право. 2014. № 3. С. 29-32.

57. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1999. С. 180 с.

58. Экстремизм в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий / Е.О. Кубякин, Л.В. Карнаушенко, Е.М. Куликов, Г.А. Городенцев. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. 102 с.

59. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московско-го университета. 2000. № 2. С. 3-13.

60. Barnes J.A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. New York: Hafner Press, 1975. 316 p.

III. Диссертации и авторефераты диссертаций:

1. Аристархова Т.А. Криминалистическая характеристика и совершенствование методики расследования преступлений против прав и законных интересов человека и гражданина, совершаемых по экстремистским мотивам: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Тула, 2015. 279 с.

2. Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 1995. 282 с.

3. Выстропов В.Г. Совершенствование расследования преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности:

дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2018. 253 с.

4. Давыдов В.О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2013. 26 с.

5. Кулешов Р.В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2017. 545 с.

6. Скориков Д.Г. Расследование преступлений экстремистской направленности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Волгоград, 2014. 29 с.

IV. Интернет-ресурсы:

1. В СФ предлагают Роскомнадзору создать программу мониторинга интернета для выявления экстремизма. URL: https://news.rambler.ru/internet/37033461/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

2. Владимир Путин провел в Кремле расширенное заседание Совета Безопасности. Рассматривался проект Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47045>.

3. ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Проявление экстремизма в молодежной среде. URL: <https://фрунз.78.мвд.пф/news/item/21056956?year=2020&month=9&day=11>.

4. Демон Лапласа. Противодействие экстремизму. URL: <http://protestonline.ru/page617468.html>.

5. Заседание коллегии МВД России. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62860>.

6. К 2110 году человечество полностью исчезнет с лица Земли. URL: <https://nlo-mir.ru/predskazania/1484-k-2110-godu-chelovechestvo-polnostju.html>.

7. Как создать ВК без номера телефона в 2020? Регистрация Вконтакте. URL: <https://onlinesim.ru/instructions/registratsiya-vkontakte-kak-ne-oshibitsya>.

8. Люди вымрут уже в нынешнем столетии и это неизбежно. URL: <https://www.krugozormagazine.com/show/Planet.787.html>.

9. МВД России создало робота для проверки публикаций на экстремизм. URL: <https://ria.ru/society/20161018/1479503249.html>.

10. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации (утверждены заместителем Генерального прокурора РФ 29 июня 1999 г. № 27-19-99) «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой, религиозной вражды». URL: <http://politkor.narod.ru/baza-exp/metodic.htm>.

11. ООН: право на Интернет – базовое право для всех. URL: <http://ru.euronews.com/2016/07/05/un-denounces-disruption-of-internet-access-as-human-rights-violation>.

12. Поисковые системы России и лидирующие поисковики Интернета. URL: <https://ktonanovenkogo.ru/web-obzory/poiskovye-sistemy-rossii-poiskoviki-interneta.html>.

13. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738>.

14. СЕУСЛАБ. Поисковая система «СЕУС». URL: <https://www.seuslab.ru/seus>.

15. Социальные сети в России. Mail.Ru Group. URL: <https://corp.imgsmai.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotcialnykh-setej.pdf>.

16. Ставропольского неоязычника осудили за экстремизм и любовь к запрещенной музыке. URL: <https://www.stav.kp.ru/online/news/3133329>.

17. ТАСС. Глава Антитеррористического центра СНГ: террористы ис-пользуют усталость от пандемии. URL: <https://tass.ru/interviews/8823371>.

18. O'Reilly Tim What Is Web 2.0 2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>.

19. U.S. Department of Justice Electronic Crime Scene Investigation: A Guide for First Responders, Second Edition. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/219941.pdf>.

20. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii>.

21. Генеральная прокуратура Российской Федерации направила в суд уголовное дело об экстремистской деятельности. URL: <http://genproc.gov.ru/wap/news/news-1355032>.

22. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru>.

23. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

24. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018). Доступ

из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k5_1-svod_vse_sudy-2019.xls.

26. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k5_1-svod_vse_sudy-2019.xls.

27. Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 47143/06 «Роман Захаров против России» (вынесено и вступило в силу 4 декабря 2015 г.). URL: <http://european-court.ru/tag/roman-zaharov-protiv-rossii/20161018/1479503249.html>.

28. Сергеева Ю. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii>.

20. Стало известно, сколько россиян пользуются соцсетями и мессенджерами. URL: <https://zen.yandex.ru/media/yugopolis/stalo-izvestno-skolko-rossiian-polzuiutsia-socsetiami-i-messendjerami-5a8164ffa815f1745c9113a4>.

30. Internet Word Stats. Usage and Population Statistics. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич,
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;
БОЛВАЧЁВ Михаил Александрович

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫМ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

Корректор,
технический редактор - Дмитриева М.А.

Сдано в набор - 03.12.2020. Подписано в печать - 25.12.2020.

Формат 60x90 1/16.

Тираж - 200 экз. Объем - 6,5 усл. п.л. Заказ № 373.

Научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России.
Тираж изготовлен на Участке оперативной полиграфии
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России.

